

СПЕЦНАЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ

СТАНИСЛАВ
РОСОВЕЦКИЙ

ЭЛИТНЫЙ
ОТРЯД КНЯЗЯ
ИЗЯСЛАВА

Спецназ Древней Руси

Станислав Росовецкий

Элитный отряд князя Изяслава

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Росовецкий С. К.

Элитный отряд князя Изяслава / С. К. Росовецкий — «Яуза»,
2018 — (Спецназ Древней Руси)

ISBN 978-5-04-095883-2

Морозная зима 1151 года. За великое киевское княжение борются любимец Киевской земли Изяслав Мстиславович и его дядя Юрий Долгорукий. Молодой мечник Хотен возглавляет элитный отряд князя. Под его командованием отборные воины-профессионалы, закованные в железо и безупречно владеющие любым оружием, совершают смелый рейд по вражескому тылу. Чтобы выполнить приказ князя, Хотену и его спецназовцам придётся проявить чудеса выносливости, смекалки и воинского искусства.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095883-2

© Росовецкий С. К., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Пролог, или О беспокойствах и сомнениях ангела Господня Пантелеймона	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Станислав Росовецкий

Элитный отряд князя Изяслава

© Росовецкий С.К., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог, или О беспокойствах и сомнениях ангела Господня Пантелеймона

Лета от сотворения мира 6658, от Рождества же Христова 1151 года святки выдались необычайно студеными. Была это, пожалуй, самая суровая из зим, которую довелось пережить ангелу Пантелеймону с тех пор, как несколькими столетиями раньше здесь, на Руси, появились первые христиане и захожего греческого попа угораздило наименовать при крещении одного из них Пантелеймоном. Земли же в Европе и Азии, которые дотоле приходилось облетать ангелу, не ведали вообще морозных зим – не говоря уж о предвечном пребывании в сонме у Престола Господнего, где ни холодно, ни жарко и куда ангел Пантелеймон отнюдь не желал бы теперь вернуться, потому что извелся бы там от скуки.

А сейчас стоят трескучие морозы, поистине трескучие – потому что ангел сам слышал, пролетая над Днепром, как трещит лед, сковавший эту могучую реку. Впервые поверил тогда он в басню, что в такой мороз птицы замерзают на лету. Сам-то он замерзнуть не мог, однако крылья у него обледенели, пришлось спускаться на ближайшую избу и оттаивать их в струе дымного и теплого воздуха, тянувшегося из волокового окна. Вместе с дымом, теплом и запахами крепкого стоялого меда до ангела Пантелеймона доносились обрывки застольной беседы трех русичей, успевших уже обсудить бабы проделки, святочные новости в околотке и повернуть на наезженную колею болтовни о княжеской междоусобице. А тем самым и отвлечь ангела от зряшных размышлений о том, как бы он выглядел в белом овчинном полушубке поверх туники, какой длины следовало бы в таком случае делать в полушубке прорези для крыльев и не стало ли бы это нарушением Устава вышних сил? Ведь удивился ангел Пантелеймон: разве в такие морозы война не затихает – даже эта, почти бесконечная русская война за великое киевское княжение? А в том, что она неминуемо вспыхнет снова, нечего и сомневаться: всем понятно, что великий воин земли Русской великий князь Изяслав Мстиславович, внук Мономаха, выбитый из Киева дядей своим суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким, не удовольствуется оставшейся у него последней волостью, Владимиро-Волынским княжеством, и обязательно продолжит борьбу за золотой киевский стол.

Пропуская мимо возвышенного своего слуха слова, жеванные одним из мужиковатых собеседников, «ото ж» и «так воно и есть» второго и матерные выражения, обильно уснащающие речь всех троих, ангел Пантелеймон узнал и кое-что новое для себя из мнения народного о князе Изяславе, в святом крещении Пантелеймоне, а стало быть, о своем подопечном. Оказалось, что именно сейчас Изяслав Мстиславович оказался в положении едва ли не самом тяжком со дня смерти отца его, великого князя киевского Мстислава Владимировича. Дядя – враг его осуществил, наконец, давнюю свою мечту и стал великим князем киевским, а Юрьевичи, сыновья дяди, сидели один в Переяславле, ключевом городе юга Руси, откуда князю лежит прямая дорога на киевское великое княжение, а два других в Пересопнице и Дорогобуже, уже самому Изяславу перекрывая путь к Киеву и стесняя его в последнем владении. Вечный союзник Юрия и противник Изяслава галицкий князь Володимирко Володаревич был богат и силен как никогда, а в далеком дивном Царьграде крепко держался за подлокотники своего престола, золотыми поющими птицами да рычащими зверями украшенного, венценосный покровитель Юрия греческий император Мануил. Зато постоянный союзник князя Изяслава, еще один дядя его, трусливый и бестолковый Вячеслав Владимирович, как раз помирился с братом Юрием, а зятя Изяславовы, польский король Болеслав Кудрявый и венгерский король Гейза, завязли в войнах на границах собственных государств и не могли прислать войска в помощь, не говоря уж о том, чтобы самим вмешаться в русскую усобицу.

Самое время теперь Юрию Владимировичу, недаром же прозванному Долгоруким, подтянуть ополчение из Суздальщины, вывести на твердые зимние дороги мощные киевские полки и, собрав всех остальных союзников, окружить беспокойного племянника-соперника в малом Владимире на Волыни, чтобы принудить Изяслава к сдаче и поступить с ним по воле своей – заточить в поруб, как обошелся тот сам с врагом своим двоюродным братом Игорем Ольговичем, впоследствии постриженным в монахи и убитым киевлянами, или ослепить, а то и умертвить, как уже замыслили в свое время брат убитого, новгород-северский князь Всеволод Ольгович, и двоюродные братья, черниговский князь Изяслав Давыдович и Владимир Давыдович.

Все нечаянно подслушанные ангелом мужики явно держали руку великого князя Изяслава Мстиславовича, а тот, что отделялся словцами-бессмыслицами, сильнее всех огорчился горькой участью, грозящей их любимцу, и завязал прихотливый матерный узел. Похвастал прелюбодеем с покойной матерью князя Юрия, почтенной королевной Гитой Гаральдовой (что можно бы еще вытерпеть, хотя и то подумать: когда и где мог встретиться с нею этот косноязычный мужлан?), однако же похвалился таким же зазорным деянием и с Пречистой Богородицей, и с «архангелом Гавриилом» (да ну?!), и вовсе уж было непонятно, каких это он на закуску бодал «двенадцать боженят».

Ангела Пантелеймона эта фигура русского красноречия до того разозлила, что иней и изморозь на его тунике, мгновенно растопившись, дождем пролились вниз, на лету замерзли и уже сосульками зазвенели, разбиваясь о замерзшую тропинку. Прямо перед носом пролетели сосульки у девки, с пустым жбаном наострившейся было из избы в погреб за пивом. Раба, наверное. Тут же задрала она кверху свое широкое чернобровое лицо, но вряд ли сумела разглядеть белого ангела на белесом небе.

Впрочем, ангел сразу же набрал высоту и уже сверху присмотрелся ко красным, точно гусиные лапки, ногам девки, застывшей истуканом языческим. Нет, показалось ему. Обута, слава богу, а босая, так уж точно примерзла бы там. Впрочем, русичи всегда удивляли Пантелеймона, столетиями порхавшего над куда более теплыми краями, не только приспособленностью, но и прямой любовью к студеной своей зиме. Ждут не дождутся, будто малые дети, когда можно будет друг в дружку снежками побросать! Закутаются в меха, как звери, и притворяются, что сам черт (тьфу!) им не брат. Нарубят целые горы дров, обставят поленицами избы и варят пива и меда к святкам, чтобы молодым колядовать, а пожилым пьянствовать себе всласть в дымных горницах. А румяные их девки и молодницы именно на морозе, неизвестно почему, и расцветают. Выволокут на двор свои корыта с мокрым бельем и давай рубахи на веревках развешивать, а те сразу же леденеют и звенят на ветру, как стяги войска Деда Мороза.

Ангел Пантелеймон сделал над двором неторопливый круг, дождался, сам не зная зачем, пока девка снова не пробежала тропинкой, на сей раз с полным жбаном. Он помедлил еще немного, ожидая теперь, не подлетит ли страшноватый ангел-истребитель, смуглый и сумрачный архангел Михаил, чтобы отнять душу у зарвавшегося сквернословия. Ангел поправил на шее тороки: шелковые эти ленточки на морозе приняли совершенно возмутительный вид. Будто обмусолены! Неплохо будет, если архангел, хоть и невелико начальство, увидит, что он, Пантелеймон, невзирая на отвратительные погодные условия и пренебрегая угрозой пагубного обледенения крыльев, усердно исполняет свои обязанности. Архангел Михаил так и не появился. Либо провинившийся мужик оказался слишком мелкой сошкой, недостойной форменного наказания, либо и без того нынешними святками суждено ему, блаженно-пьяному и с переполненным мочевым пузырем, замерзнуть в снегу. Ангелу Пантелеймону больше понравилось первое объяснение.

Ибо нет и не может быть равенства между земными людьми, и глупы еретики, когда его требуют. Плохо они, еретики, Библию читали, хоть ею клянутся. Ибо какое может быть равенство между смертными, когда даже в среде бессмертных вышних сил оно невозможно?

Уж если ты сотворен серафимом, то предстоишь перед Господом выше херувима, а уж если рядовым ангелом, так ниже архангела. Точно так же совершенно справедливо, что за людьми, названными по твоему, ангельскому, имени, разный присмотр бывает, и разные доли твоего благосклонного внимания им уделяются. Одно царю, иное псарю. Сильным мира сего еще и потому большая доля ангельского благоволения необходима, что от них зависят судьбы многих простых людей, здесь, на Руси, часто и некрещеных.

Вот и прошедшей ночью он посетил незримо обитель одного из Пантелеймонов-руси-чей, боярина великого князя Юрия Владимировича, мирским именем Жирослава Нажировича. Не спалось тому на чужой мягкой постели, в чужой теплой ложнице, в расписном тереме киевского боярина Петра Бориславовича, отступившего из города вместе с дружиной великого князя Изяслава. И не духота мешала Жирославу, не запахи чужого жилья и даже не громкие языческие песни киевского простонародья, оглашавшие глухую ночь в навечерие Рождества Христова, а думы о ненавистном ему князе Изяславе. Почему князь Юрий не пользуется благоприятным моментом, почему не пытается окончательно сокрушить соперника?

И правильно ведь рассуждал Жирослав, от него не отнимешь, когда убеждал своего князя, что этот подвиг навеки прославил бы его. Ведь нашлось бы на Руси немало народу, благословившего бы за такой поступок Юрия Долгорукого. И не только галичане совокупно, со своим князем во главе, всплескали бы в ладони, прознав об Изяславовом унижении и смерти, но и жители городов Черниговщины и Новгород-Северщины, многократно ограбленные войсками Изяслава и киевским ополчением, а с особенным удовольствием – русичи, поселившиеся на берегах Волги под защитой суздальских князей и молодецки разоренные и плененные дружинниками храбреца Изяслава во время его похода на дядю Юрия.

И откидывал тучный Жирослав соболиное одеяло, засовывал ковш в приготовленную загодя рабою братину с квасом, долго пил, причмокивая и шумно втягивая жидкость и тем донельзя раздражая ангела своего Пантелеймона, невидимо прикорнувшего в красном углу под тусклой лампадкой. Уж если не может смертный обойтись без насыщения едой и питьем, почему ему не научиться хорошим манерам? Вспомнить хотя бы, как изящно вечнопамятный великомученик Пантелеймон дожевывал свою сушеную саранчу, акриду, когда в его триклиний уже врывались преторианцы, посланные нечестивым императором Максимианом, и не забыл ведь окунуть пальцы в чашу с благовонной водой перед тем, как скрутили ему руки за спиной. Восемь столетий пролетело, а до сих пор эта картина стоит перед глазами!

Жирослав, успевший тем временем снова улечься на тисовую кровать, крикнул и замычал. С трудом отвлекся ангел Пантелеймон от зрелища пристойно сомкнутых тонких губ священномученика, мерно и неторопливо движущихся на гладковыбритом бледном лице, сосредоточился и уразумел, что боярин сейчас втихомолку осуждает своего князя. Дескать, окажись Изяслав на его месте, уж тот решил бы и с одной своей дружиной на молниеносный, дабы опередить лазутчиков и самое молву, набег. Однако что толку пенять на Господа, который не дал князю Юрию воинского таланта? Только один способ побеждать и знает этот поздний сын знаменитого полководца – выталкивая противника огромным скопищем войск, своих и союзных.

Однако зимой трудно, а то и невозможно было поднять в поход его главную ударную силу, союзных диких половцев, которым нечем было бы кормить коней. Киевские полки вообще не желали воевать под началом чужого, суздальского князя, а черные клобуки, тюркская гвардия великих киевских князей, державшая городки в Поросье, именно этому киевскому князю, Юрию Владимировичу, так пока и не подчинились. Наивное лукавство степных выходцев не могло скрыть их любовь к Изяславу Мстиславовичу – и разве не точно такое же предпочтение своего, пусть и не самого сильного и богатого князя чужому, как раз и сильному, и богатому, однако не раз уже приводившему с собою на Русскую землю половцев, сквозило в непроницаемых, иногда искривленных принужденной улыбкой лицах киевлян? Лица те не успевал

рассмотреть великий князь, когда склонялись киевляне перед ним в поклоне, узрев золотые великоконяжеские сани во время переездов из дворца во дворец. А вот Жирослав ехал в свите, следом, и потому иной раз встречался взглядом с киевлянами, разгибавшимися после земного поклона. И вот что читал боярин в глазах этих столичных, разбитных, себе на уме, прохожих: «Что ты тут забыл, суздалец из-лесу-вылез? Мало нам было своеземельных грабителей и живоглоотов?»

Воспоминание о жарко натопленной ложнице заставило ангела Пантелеймона вздрогнуть, словно и впрямь мог замерзнуть. Резво заработал он крыльями и, держась еле натоптанной в снегу линии земной дороги, пустился своею воздушной дорогой на Мичск, а там на Дорогобуж, имея в виду в конечном счете долететь до Владимира-Волынского. Конечно, можно было бы сократить путь, взяв напрямик через Чертов лес, да лучше по старинке перед ним повернуть в сторону, не зазеваться бы.

Ну, вот не нравился ангелу последнее время Изяслав, и все тут. Не в скверных обстоятельствах дело (попадал подопечный и в худшие), не нравилось ему, как стал выглядеть князь, огорчали посещающие теперь великого князя злые мысли.

Глава 1

Приезд старинного приятеля

Почему столь сладостные чувства испытывает человек, наблюдая, как сокол, малая, но смертоносная птица, камнем падает с высоты на несчастного зайца, при удаче перебивая ему спинной хребет твердыми, как железо, когтями? Уж не потому ли, что чувствует себя в безопасности, зная, что это не на него самого охотится беспощадный враг, которому и небо подвластно?

Хотен хмыкнул: горькая эта мысль не испортила ему удовольствия от соколиной охоты. Глядя, как Анчутка медленно, проламывая сапогами твердый наст, подбирается к соколу, примерившемуся уже терзать добычу, Хотен подумал, что не верит в предчувствия. Во всяком случае, никаких скверных предчувствий не испытывал он тогда, три года назад, перед тем, как был злодейски подколот в собственном дворе. Хреново было доброму молодцу перед тем, как напоролся на воровской нож, ох как хреново, но и в голову ему тогда не могло прийти, и без того словно из-за угла мешком ударенному, что в добавку к любовному несчастью (ну и стыдобушка, до сих пор неловко вспомнить...) ему еще и кинжал под ребра воткнут.

И сегодня, в стылое это предвечерье, на любимой своей охоте, он не испытал никаких предчувствий, ни плохих, ни хороших. Правда, впоследствии Хотену довелось, вспоминая тот вечер, пару раз и задуматься, уж не означали ли сами по себе раздумья о предчувствиях (верит там он в них или не верит), что был ему все же свыше предсказан скорый поворот в судьбе.

А судьба его после выздоровления складывалась вполне благополучно, хотя, быть может, и скучновато. Тогда, три года тому назад, Хотена, сознание потерявшего и в луже крови, обнаружил слуга его, холоп Анчутка. Верный Яхонт убежал от убийцы и чудом каким-то наткнулся в ночном Подоле на Анчутку. Тот, возвратившись после разведки у своего бывшего хозяина, купца Саида, на Новый двор, все еще в кольчуге, которую получил от Хотена вместе с заданием, встревожился, понятно, не найдя Хотена на условленном месте, и поскакал его искать. Не растерявшись, слуга-персиянин наскоро перевязал раненого и отвез его к волхву Творилю, которому вместе с помощником его Говоруном и удалось выходить незадачливого сыщика... С постели Хотен встал совсем другим человеком – вот только вопрос, лучшим ли?

Если и раньше был киевский сыщик не бог весть каким благодетелем человечества, блюл, как мог, свою выгоду, однако при том и совесть пытался не потерять, то с ложа болезни поднялся убежденным и законченным себялюбцем. Увы, новые обстоятельства могли только утвердить его в таком настрое. Правда, вор-убийца не нашел в роковую ночь заветную шкатулку с наградой хана Бельдюза за возвращенного арабского коня, да и роскошный наряд, подаренный в свое время князем Изяславом, Анчутке удалось отстирать от крови. Все остальное было из рук вон как худо. Должность походного мечника уплыла от него во время болезни, равно как и расположение великого князя Изяслава, сыск по делу об убийстве князя Игоря Ольговича заглох сам собою, а рассказ об этом преступлении, обеляющий великого князя, хитроумный боярин Петр Бориславович вписал в свою летопись, обойдясь и без подсказок Хотена. Да и что мог он тогда подсказать, валяясь колодой на перине, набитой лекарственными травами?

А поднявшись с той целебной перины и щедро наградив за лечение волхва Творилю, Хотен словно бы забыл, что в горячке выздоровления собирался отпустить на волю верного Анчутку безденежно, и тот остался до времени в холопах. Пересчитав и оценив серебро, оставшееся в шкатулке, славный сыщик пробурчал: «Пора козу на торг вести». Махнул рукой и послал Анчутку за свахой. Настала пора продать свою свободу, а взамен прикупить непродажной женской ласки и домашнего уюта.

Однако Хотен не был бы Хотеном, если бы не попытался и тут схитрить, оставив за собою хоть тень холостяцкой свободы. Отбыл все свадебные обряды и под венцом в церкви постоял, однако как ни уговаривал его тесть, богатый купец Кoryто, поставляющий лес на все киевские постройки, так и не согласился обвести вдобавок невесту вокруг куста, подтвердив церковный обряд бракосочетания еще и старинным, прадедовским.

Так или иначе, но сделка состоялась, и вот теперь Хотен владел немалой собственностью – полученной в приданое усадьбой под Киевом, на левом берегу извилистой Лыбеди. Враги с этой стороны к Киеву на его памяти не подступали, а в случае чего недалеко было и до моста, а там и до Золотых ворот. Сразу за усадьбой начинались лесные дебри, кормиться можно было бы одной охотой и рыбной ловлей. А воздух какой чистый, лесной! Для ребенка (а имелся уже и наследник, двухлетний Бажень, в святом крещении Феодор) места нет здоровее...

– Эй, хозяин! Так вабить?

– Будто сам не видишь? – очнувшись, завопил Хотен. – Давай ему!

Сокол уже вовсю терзал свою добычу: распробовал, небось, вкус крови. Перс Анчутка ловко подменил зайца вабилем, и птица, нимало не поколебавшись, отвлеклась от здорового длинноухого и, заклекотав, вцепилась в жалкий кусочек мяса, привязанный между двумя сшитыми крыльями куропатки. «А будто мы, мужи, лучше? – усмехнулся Хотен. – Только помани нас чем новеньким, все бросим, что в руках уже имеем, помчимся сломя голову».

Продолжая присматривать за соколом, крылья уже сложившим и, судя по всему, постепенно успокаивающимся после охотничьих восторгов, Анчутка сделал два быстрых шага и, не глядя, протянул хозяину зайца. Хотен кивнул, сунул варежки за пазуху и принялся непослушными на морозе руками обвязывать задние ноги косога передней правой торокой. Левая передняя торока уж занята. Перед кем хвалиться замыслил? Кому там, дома, до их добычи дело? Супружнице его Любаве заяц – только лишняя доука, готовь еще его для охотников. Точнее если, не готовить ей придется, а распоряжаться: жарить будет, дело ясное, холоп. Хмырь будет жарить, а сперва отмачивать в уксусной воде. Баженько – вот кто бы зайцам порадовался! Да малый сейчас наверняка уже спит, сладко детям спится в такой мороз. Ведь ребенок может спать долго, сколько захочется ему: у малыша впереди вся жизнь, и не жаль ему убитого на сон времени...

– Готово, хозяин.

Хотен оглядел Анчутку с головы до ног и улыбнулся ему. Верхом на смиренной кляче, в лисьем малахае, напялив на себя три нагольных полушубка, персиянин походил сейчас не то на кочан капусты («Сорок одежек и все без застежек»), не то на снежную бабу с соколом на руке. Может быть, и не стоило его, пришельца из стран полуденных, вытаскивать на охоту в такой мороз? Тогда пришлось бы самому возиться с соколом или учить всей премудрости холопа Хмыря, молодого парня из посада, а он никакого любопытства к соколиной охоте пока не проявлял. Хотен заставил Яхонта погарцевать на месте, чтобы размял ноги старик, а потом пустил его рысью. Умный Яхонт, запрядав заиндевелыми ушами, сам принялся принимать влево, направляясь к родной конюшне.

Длинные тени от всадников из голубых обратились синими, а там и почернели, готовые уже раствориться в вечерней полутьме, когда открылась перед ними усадьба и над ней – мирные дымы, темные на закатном небе. Однако и лишнее нечто там обнаружилось: черная гусеница шевелилась перед воротами, а если присмотреться – кучка конных, копытами ошестинившаяся. Хотен помянул черта и натянул поводья. Анчутка тут же оказался рядом.

– Запоматывал я, Анчутка, – выговорил Хотен, присматриваясь, – с тобою ли лук?

– Это Радко, – успокоил его зоркий холоп. – И голос его, Радков.

Теперь уже и Хотену почудилось, что он узнал рык старого приятеля, дедкого князя Изяслава Мстиславовича. Радко костерил Хмыря за то, что не отпирает ворота. Холоп поступал

правильно, но и децкого можно понять: ему с его десятком лучше бы схорониться за забором, пусть местность сейчас и безлюдна.

Ударил Хотен коленями в бока верного Яхонта, и тот, молодецки заржав, пустился к усадьбе. На полдороге встретил их Радко, выехавший навстречу.

– Здорово, друг Хотен, – пророкотал Радко. Не понять, то ли поседел он как лунь, то ли конец заиндевел. – Прикажи своему холопу, чтобы впустил. Не ровен час...

– Да, да... – и Хотен прокричал Хмырю, срывая на морозе голос, чтобы отворял ворота, и засипел. – Здравствуй, старый друже...

Не сходя с коней, приятели обнялись, обдавая друг друга клубами пара, и трижды поцеловались. Во двор въехали вместе. Хотен отдал распоряжения Хмырю и Анчутке, показал дружинникам, где конюшня и сенник, спешил и лично проверил, заперты ли снова ворота.

Тут на крыльце явилась Любава в лучшей своей шубке и, как это ни удивительно, нарумяненная.

– Что тут за гвалт, муженек? – пропела. – Разбойники напали? Ребеночка разбудите...

– Вот и иди к Баженке, присмотри за малым, – прикрикнул Хотен и повернулся к ней спиной. – Не бабьего ума дело.

Бухнула дверь, а Радко разразился хриплым смехом:

– Держишь, значит, женку в ежовых рукавицах? Ну, молодцом, Хотенко...

О деле, а оно действительно оказалось не бабьего ума – здесь Хотен как в воду глядел – старый децкий заговорил только тогда, когда кони были устроены в конюшне и напоены подогретой водой, накормленные дружинники храпели уже в жарко натопленной горнице, а гость и хозяин уединились в светелке Хотена, с собою имея по кружке пива и закуску на блюде. Хотен принес также охапку лучин и горящую лучину. Эту вставил в светец.

Впрочем, сначала Радко огляделся и безразличным тоном осведомился:

– Один, я так понимаю, здесь спишь? Женка твоя нам не мешает ли?

– Один, один – дом большой, покоев хватает. Я тебя здесь и спать уложу, а себе найду место. Давай, Радко, не томи, рассказывай!

Шумно отхлебнув из кружки, Радко скучно выговорил:

– Да не имеется особенно чего рассказывать. Дела у нас неважные. То наступаем, то отступаем, а то и просто улепетываем... Что на моем киевском подворье делается, не ведаешь ли?

– И не знаю я, друг ты мой Радко, где твое подворье, – сам удивляясь своему незнанию, заявил Хотен, – ведь не довелось мне побывать дома у тебя.

– Да все дела, дела... Некогда было и друга в гости пригласить. А как здорово мы подготовились к отступлению тем летом, когда был убит Игорь Ольгович! Помнишь, когда весть пронеслась, что князь наш Изяслав захвачен в полон? Вozy увязаны, на возах лучшее добро, жена и детишки готовы к поездке. А когда пришлось нам уступить Киев суздальскому пришлецу, я как раз ездил с послом к половцам в степь. Князь Изяслав собрал семью, да и поехал себе в свой Владимир, а с моего подворья челядь разбежалась. Жена моя с дочерьми кое-как запрягли хромую клячку (остаток коней моих соседи-кивляне увели) и, в чем были, выехали из города, а Юрий стоял уже под Михайловским монастырем. Когда мы прошлой осенью выгнали Юрия из Киева (жаль, на неделю только!), я отпросился у князя разобраться, что у меня во дворе делается...

«И чтобы мне о том рассказать, ты в такой мороз, голодных волков и неприятельских разъездов не испугавшись, проскакал сотни верст? Да ни за что не поверю!» – подумал Хотен, у которого глаза уже слипались после зимней охоты. А вслух протянул:

– Да уж, у хозяина по своему добру завсегда сердце шемит...

– Что ж, теперь и ты сие понимаешь, – Радко вздохнул так, что не знающий его мог бы подумать, что свой двор для этого рубачи дороже всех сокровищ сказочной Индии. – Видать,

Хотенушка, кончилось твое веселое время, когда тебе все было трын-трава. Я тут осмотрелся немного: добрая у тебя усадьба, и хозяйская рука видна. А тогда мне доброхоты уже донесли, что двор мой забрал Юрьев тысяцкий Судислав, чтоб его подняло – да об землю! Сам, мол, там не живет, токмо конюшней пользуется, а в тереме моем поселил конюхов. Я, грешным делом, думал, что в отместку прихвачу на конюшне Судиславовых коней – где там! Пусто в конюшне, один навоз. И конюхи сбежали, только их прогнившие кожухи в тереме воняют. Я меч в ножны, плеть в руку, и давай по вора-соседям – а они уже все разбежались, только у Грузила в избе младенец брошенный орет. Вот ведь народ: лошадей и скот свой отогнали, а младенчика забыли! Я взбеленился и готов был уже их дворы зажечь, да жаль мне стало города Киева. Ветер дул такой, восточный – как раз вся Гора и выгорела бы. Пожалел.

– Да, недолго вы тогда в Киеве-то попиروвали...

– А отступать пришлось так просто смешно. Как раз ко князю Изяславу из Вышгорода его дядя приехал, придурковатый (прости, Господи!) князь Вячеслав Владимирович, и засел на Ярославовом дворище. Понятно, что власть делить. А тут и Изяслав с нами прискакал в Киев: пришлось убежать нам от Володимирки Галицкого, потому что киевские полки побоялись его большого войска и ушли в Киев. Сели князья во дворце на верху обедать, а для нас, дружинников, столы накрыты рядом, в гриднице. Слышим, музыканты смешались и вовсе замолчали, а князь Вячеслав кричит: «Господи, помилуй!» Я меч выхватил – и туда. Смотрю, а там все из-за стола вскочили и уставились на Днепр. И я к окошку, еле протиснулся. Днепр аж зачернелся весь: одни насады и челноки пустыми на тот берег гребут, а другие, набитые гридьбой, словно печь пирогами, уже к нам плывут. Ясное дело, киевляне переправу устроили для Юрия, который Долгорукий, а он свое войско переправляет. Вячеслав побледнел весь, трясется, выкрикивает: «Поедем, поедem! Не наш теперь час!»

– Никак этот престарелый Мономахович не угомонится, – заявил Хотен. – Труслив, неудачлив, а все лезет на киевский золотой стол. Зачем твой князь со старинушкой водится, трудно мне понять...

– А затем, – важно пояснил децкий, – что он старший из живых сыновей Владимира Мономаха и прав на киевский стол у него побольше, чем у прочих. Главное же, дружина у него добрая и тысяцкий, Воислав Мишинич, тямущий. Да... Перетрухал тогда, конечно, дедушка. А наш Изяслав вернулся к столу, отхлебнул из кубка, закусил икоркой, облизал ложку, положил ее на стол и говорит весело: «Да, дядя, этих гостей мы с тобой не приглашали. Доедим, допьем – да и по коням. Пора нам с тобою и уделы наши навестить». Потом приказал нам собраться на Дорогожичах, и в сумерках мы уже выступили. Гнались за нами два князька, Святослав Всеволодович с Борисом Юрьевичем, да не догнали. Для них же и лучше: уж очень злы мы были. А чего о славных киевлянах меж собою обносили по пути, я лучше не стану повторять.

– Киевляне не так уж виноваты, Радко. Их тоже попробуй понять. Наши и без того за любовь к твоему князю не раз заплатили своим добром, а кто – и своей жизнью или жизнью детей. Не нравится народу также, что он иноземцев на Русь приводит.

– Изяслав только венгров и поляков приводит, христиан, а войско берет у королей, зятьев своих. Какое же может быть сравнение с твоим Юрием, тот ордами науськивает на Русь язычников-степняков!

– Как станут народ грабить, не увидишь и ты меж ними большой разницы, – отмахнулся Хотен. И вдруг вытаращился на раскрасневшегося гостя. – И вот что я скажу тебе: если твой князь – это русский Александр Македонский, должен он своих врагов всегда побеждать! Ну?

– Чего – «ну»? – растерялся Радко.

– Ну, так отчего ж он, лихой твой князь Изяслав, побеждать перестал?

Радко насутился. Не глядя на Хотена, выговорил трудно:

– А полегче чего ты спросить не можешь? По моему же разумению, простого рубаки, полоса такая пошла. Богиня языческая Хвортуна, о ней ты же сам мне рассказывал, повернулась к нам толстой своей задницей. А мы еще свое возьмем...

– Ну?

– Какое тебе снова «ну»? – засопел Радко.

– Ну, так чего твоему князю на сей раз от меня нужно? Говори, наконец, не томи!

– А... Давно хотел сказать, да ты мне слово не даешь вставить. Требуется великий князь наш тебя к себе. Велел, чтобы ты сразу же выехал, однако я решил до утра погодить: кони наши замучились.

На этот раз Хотен вытарачился так, что и сам это ощутил. Тут же прищурился, чувствуя себя скоморохом скоморохом. Мужское ли дело – заботиться о том, как выглядишь со стороны? Тем более, услышав такой приказ от князя Изяслава... Тут же головой работать надо, головой!

– Послушай, Радко, – осторожно выговорил Хотен. – Как ты полагаешь, неужели он до сих пор числит меня у себя на службе, твой князь Изяслав Мстиславович?

– Великий князь, не забывай... Я думал об этом в дороге, – быстро ответил децкий. Подняв кудлатую голову, он встретился взглядом с глазами Хотена и не отвел в сторону свои. – В дороге, знаешь ли, о многом думается... Ты не числишься у великого князя Изяслава на службе, Хотенко. Иначе тебе пришлось бы рубиться вместе с нами, боярами Изяславовыми, под Луцком, под Переяславом, над Супоем... Да все мелкие стычки и не припомнишь... Вот, а этой осенью бросать свою усадьбу и, жену с ребенком посадив на заводного коня, отступить вместе с нами на Волынь...

– И то хлеб, хоть не числюсь, – буркнул Хотен. – Отчего же тогда твой князь... великий князь мне приказывает?

– Так ты слова не даешь вставить, Хотенко! Великий князь Изяслав Мстиславович велел тебе передать... Да встань ты, выслушай, как положено. В кои-то веки я и сам вроде как в посольстве...

Хотен вскочил на ноги, расправил полы полушубка и обеими руками пригладил волосы. Что князь отправил к нему посла, было высокой, не по чину, честью. Тут и Радко поднялся со скамьи, немилосердно затрещав коленями, и выпятил живот.

– «От великого князя Изяслава бывшему мечнику моему Хотену Незамайковичу. Хочу тебя нанять как вольного хитреца. Разыщешь искомое – десятая доля твоя. Достанет тебе, чтобы в Киеве поставить каменную церковь. Однако поспеши». Вот так.

– Ответ дам утром. Ложись, друг мой Радко, отдыхай: тебе-то все едино спозаранку в обратный путь.

Децкий усмехнулся и заявил:

– В ответе твоём не сомневаюсь. А выехать нам надо до света, сам ведь ведаешь, почему.

Хотен и сам понимал, что уже согласен. Куда ему деться, когда большими деньжищами великий князь поманил? Теперь следовало позаботиться об усадьбе и о семье. Он допил свою кружку, снял со стены фонарь со слюдяными стенками, зажег в нем огарок от лучины, горевшей в светце. Хлопнул по железному плечу Радко, снова присосавшегося к кружке, и осторожно притворил за собой дверь.

В холопской каморке еще не ложились. Пахло пивом, хотя баклагу быстрый Анчутка успел уже, небось, убрать под скамью. Хотен покривился, однако решил не придирааться. Подвинув плечом Хмыря, уселся на его лавку, пригасил фонарь.

– По делу лучину жжете, разговор есть.

– Прикажешь готовиться к поездке, хозяин? – поднял на него черные непроницаемые глаза персиянин.

– Ты остаешься, с собою беру вот его, Хмыря. Тебе бы ехать, Анчутка, да не хочу заморозить тебя, мужа кровей полуденных, в дороге, а тут мне нужен надежный человек, защитник

моего сына, усадьбы и жены. Не знаю, надолго ли еду... Обещаю, однако: если найду здесь все в сохранности, отпущу тебя наконец.

– Твоя воля, хозяин, – наклонил Анчутка бритую голову.

– И в том еще моя воля, чтобы Хмырь этой ночью поспал, а ты собрал меня с Хмырем в дорогу. Мы забираем весь овес... Да, из коней мне Рыжка и Яхонта, а выеду на Рыжке. Хмырю подготовь Савраску, а заводного выбери ему из остальных, по твоему разумению, какой конь покрепче. Мне полный доспех почисть. Так, из оружия, как обычно в поездку, Хмырю – войлочный нагрудник и... и засапожник. Железа, видишь, ему поменьше: запас повезет. Мяса сушеного клади в сумы, не жалея, и не смотри, что пост на носу... Хвойке прикажи завтрак на всех приготовить, воды там для умывания, как положено. Разбуди меня, как на заутреню. Я в спальне у хозяйки.

– Хозяин, а не стар ли Яхонт для зимней дороги?

Хотен помолчал значительно: ставил раба на его место. Потом продолжил:

– Ты, Анчутка, конечно же, признал наших гостей? Так вот, забудь о них. За мной заезжал слуга боярина из Корачева, у него угнали коней из конюшни, просит меня разыскать. Я и согласился, понял?

– Понятно. Главное, чтобы в дороге на врага не напоролись.

– А это уж, Анчутка, как... Что там еще?

За дверью – громкое хихиканье, переходящее в визг...

Хозяин и его холопы переглянулись. Хихикала-то, несомненно, горничная Хвойка, раба, приведенная с собою Любавой, супругой Хотена, неясно было только, кто же девку щекотал...

– Неужто приятель мой? – удивился Хотен. – Дружинники-то уже храпели... Поистине, седина в бороду, Велес в ребро!

– Девка наша там с одним перемигнулась, с белобрысым, – покраснев, заявил Хмырь. – То не боярин с нею, с Хвойкою.

– Ничего, коли в подоле принесет, будет нам в Дубках помощник, – пошутил Хотен. – И вот что, Анчутка. Бабам и от себя запрети болтать, а для верности не пускай их в город. Во всяком случае, пока суздаец в Киеве хозяйничает, пусть посидят в усадьбе. А надо будет чего прикупить или к батюшке моя жена попросится, не отпускай. Запри хозяйку в доме, а сам быстро съезди с Хвойкой. Не выбирай, где дешевле, а слетай на ближний рынок и мигом назад. Теперь допивайте – и за работу.

– Сделаем, хозяин, – поклонился Анчутка. И на него глядя, Хмырь.

– Вот что еще, – вспомнил вдруг хозяин. – Ты, Хмырь, приятеля моего чтобы называл боярином. Пусть он начальник небольшой, десяток в бой водит, да по уму и опыту – давно боярин. И в советах у великого князя сживал.

Снова осторожно притворил дверь и с погашенным фонарем, под неясный шепот и шорох из горницы, ощупью, добрался до жениной спальни. Любава не заперлась изнутри – неужто поджидает супруга и повелителя? И не спит, хотя лучина в ставце почти уж догорела. Правый угол комнаты черен, пуст и беззвучен: стало быть, кровать с Баженкой в повалуше у няньки.

– Явился, идол, не запылится! Опять, значит, понадобилась?

– Встань, поговорить надо!

Вот поднялась Любава с постели, выставила ему навстречу свое ненавистное и милое, раскрашенное, как у куклы, и пустое, как у куклы, лицо. Хотен выдохнул, досчитал до пяти и, уже совершенно беззлобно, в спокойных чувствах пребывая, мазнул легкой плюхой по щеке, и без того красной под румянами.

– За что, ирод! В чем я перед тобою виноватая? – взвыла.

– Не за что, а для чего поучил я тебя, законная моя супружница, – пояснил Хотен, скидывая шубу и сапоги. – Чтобы без меня тут не вспомнила девичью свою вольность и девичьи свои

грешки, в коих остаешься передо мною виноватая. А я в Корачев еду коней боярских искать и, пока не возвращусь, из Дубков ни ногой. Ну, давай вались на свое место, что встала столбом!

Штаны хранили еще холод, забравшийся в ткань на морозе, поэтому Хотен стащил их тоже. Огляделся и, ощущая уже блудную нехватку воздуха в груди, накрыл штанами икону Богородицы Одигитрии, благословение милой женушке от тароватого ее батюшки.

Через урочное время, в волне женских плотных запахов откидываясь на свою половину постели, в очередной раз убедился Хотен, что бедноватые телесные радости дарит ему законный брак.

Глава 2

Зимняя дорога

Выехали, как и рассчитывали, еще в темноте, и только за Белгородом, когда уже совсем рассвело и стены города-крепости растаяли в белесой дымке, убедил себя Хотен, что едва ли кто станет связывать появление Радковой малой дружины под Киевом именно с его Дубками. Вот что его заботило, а об остальном пусть болит голова у старого децкого. Впрочем, Радко успел ему объяснить, что города Дорогобуж и Пересопницу, где засели дружины сыновей Юрия Долгорукого, они объедут, а ночевать будут, когда не в поле, то в деревнях и селах, у хозяев, известных тем, что за великого князя Изяслава Мстиславовича стоят или не враждебны ему. Разъездов вражеских Радко не боится. Твердо уверен, что отобьется, а наскакивать самому в надежде взять языка великий князь ему запретил.

– Потому что должен я твою голову сберечь, – пояснил. – Да и не верится мне, что сейчас, когда худо-бедно переговоры еще тянутся, станут суздальские или их союзники на нас волками бросаться.

– Послушай, Радко, а почему у тебя в дружине народ все больше новый? Где Синий Зуб? Где Порей?

– Синего Зуба осенью похоронили: перестреливались мы с половцами Долгорукого через речку, зазевался он – стрела и влетела прямо в рот. А Порей великий князь к себе поближе забрал.

Поначалу дорога показалась нетяжелой. Мороз сковал землю, снег не падал уже неделю, поэтому подковы коней не скользили по утопанному и хрусткому насту. Ночлега в стылом поле и волков, злых по голодному времени волков, вот чего стоило опасаться в этом зимнем походе! Но об этом как раз и не вспоминали. Говорить на морозе было трудно, сразу текло из носа, и в дыхании появлялись недужные хрипы. Хотен и Радко просто ехали рядом, молчали, иногда обмениваясь взглядом или скупым словом. Радко, тот время от времени выставлял вперед правое ухо, которым лучше слышал. Видно, чудился ему крик совы – впереди ехал дозорный, обязанный при виде врага, и даже если стрелой его из засады ударят или вражеский аркан его с коня сдернет, дважды проухать совою.

За первый дневной переход люди и кони словно бы не успели растерять тепла, запасенного в Хотеновой усадьбе. Стан разбили на лесной поляне почти сразу же, как переехали замерзший Здвижень, разожгли два костра, растопили снег в котле, сварили кашу, уже в полудреме похлебали и прокемарили до света у ярких, но греющих только лучами огней. А на рассвете, пока Хмырь под рычанье Радко вместе с отроками забрасывал снегом догорающие головни, пока скупой поили коней, пока седлали, Хотен, разминая затекшие на ночевке ноги, протопал глубже в темнеющий под снежными шапками сосновый лес и прикинул, не стоит ли умыться, хотя и снегом. В первый и в последний раз за всю поездку посетила его такая задумка: трижды прав оказался покойный отец, наставляя, что неумытому на морозе теплее.

Вторую ночь провели в душевной избе на окраине Мичска, покотом на земляном полу, засыпанном полуистлевшей соломой. Теперь запасенное тепло покинуло Хотена, едва отряд выехал за частокол, только ноги грел своими крутыми боками глуповатый по конской своей двухлетней молодости, но сильный и выносливый Рыжок. Впрочем, сыщик сразу позабыл о настоящем своем желании постучать зубами, когда увидел, что Радко, оглядевшись, уводит отряд с протоптанной дороги, круто принимая вправо. Перемучившись с полчаса по целине, кони, фыркая, спускались уже на заснеженный лед реки, когда Хотен сумел догнать децкого.

– Радко, что за новости?

– А я, выходит, забыл тебя предупредить? – усмехнулся в заиндеветую бороду Радко. – Мы не пойдем на Ушеск, а поднимемся по льду Тетерева до Колодяжного, а оттоль уже битой дорогой на Острог.

– Через Чертов лес? – ахнул Хотен.

– А хоть бы и через Ведьмины дебри, храбрый друже мой. Я предпочел бы встретиться с парочкой кикимор или с лесным дедушкой, чем с полусотней дружинников Олега Теребовльского. Он ведь ездит у стремени врага нашего Володимирки Галицкого. А лед намерз толстый.

Крыть было нечем. Кони боевые, подкованные, а лед на реке покрыт достаточным слоем затвердевшего снега, чтобы не ломать им ноги.

Чертов лес нависал над руслом реки вековыми соснами, проплывал мимо – порою грозен на вид, однако по-зимнему тих. Только сучья трещали, да порой вдалеке были волки. Леших Хотен не боялся, потому что знал, что зимой они засыпают, как медведи, в своих логовах, устеленных лапником, в здоровом сосновом духу. А кикиморы – да пристало ли мужчине бояться каких-то баб, хотя и кикимор?

Ближе к обеду (вот только это у людей обед, а в скором походе разве что сухарем похрустишь) явились справа, на высоком берегу Тетерева, над вершинами сосен, белые дымы, уходящие прямо в небо.

– Там Городенск, – показал Радко, – одно название, что город – так, острог полуразвалившийся. И летом, и зимой до него добраться только по реке возможно: вокруг леса непроезжие и непроходимые.

– Кто там сидит? – выпустил изо рта клуб пара Хотен и сам себе удивился: не все ли ему равно, кто княжит в этом медвежьем углу.

– Князь Володарь Владимирович, тоже одно название, что князь. Седьмая вода на киселе Долгорукому, внучатый племянник. О нем доносили, что как засел здесь по осени, так с той поры и пьянствует.

– Да уж, расплодился Рюриковичи, скоро Русь и прокормить их всех не сможет. Мой покойный отец духовный Феоктист говаривал...

– А я посоветоваться с тобою хотел, – перебил его Радко. – Можно просто миновать Городенск в доспехах, а можно попробовать обойти. Есть там заросшая просека. Сами оборвемся, исцарапаемся, а не повезет – одного-двух коней потеряем. И еще полдня пути прибавится.

– И какой путь ты выбрал на днях, когда за мной ехал?

– Мы проскакали по реке мимо Городенска, держась противоположного берега. И ничего, Бог миловал. Одначе тогда дымы над городом не такие густые поднимались. Что посоветуешь?

– Я бы не стал продираться просекой, Радко. Однако тебе виднее.

– Добро, зови холопа, пусть тебя в доспех облачает. Большой опасности нету. Мы удачно подъедем, к полудню. А чем в полдень заняты на Руси добрые люди?

– Спят, Радко, в полдень добрые люди и говорят, что сам Бог так велел. Не спит только тот добрый человек, которого, за шиворот взявши, везет другой добрый человек вражескими владениями, да еще в трескучий мороз к грозному своему князю на беседу.

Радко захохотал, окутавшись клубами пара, остановил отряд и спешил. Дружинники, вполголоса матерясь, когда попадали голой рукою на железо, принялись завязывать один на другом задубевшие на морозе тесемки.

Хмырь, громко шмыгая носом, подвел нагруженного доспехом Яхонта. Комонь показался хозяину явно похудевшим – и слишком уж грустным, ежели во внимание принять, что Хотен доселе берег его, гоняя только как заводного. Впрочем, сейчас трудно прочесть что-либо на покрытой инеем лошадиной морде. Однако сухарь свой сжевал старичок Яхонт скорее так даже весело и, как встарь, ткнулся, благодаря, теплыми губами в щеку хозяину.

Кольчуга сразу принялась холодить спину, наколенники – ноги. Шлем Хотен решил везти в руках, чтобы надеть в случае прямой опасности. Радко поставил Хотена во главе отряда,

объяснив, что это самое безопасное место: если в остроге вражеские дружинники, они, пока Хотен проезжать будет, еще и не проснутся. Сыщик не возражал. Он давно уже пребывал в уверенности, что после двух тяжелых ранений человеку только и остается, что отсиживаться в кустах.

Шагом – Хотен, левой рукой шлем на колене придерживая; копейщики, копья уперев в проушины правых стремян; лучники, стрелы наложив на луки, Радко, руку утвердив на головке меча, а Хмырь с засапожником в сапоге так и вовсе дурак дураком – подкрались к излучине, за которой, как сказал Радко, уже и пресловутый Городенск.

– Хмырь! – позвал сиплю Хотен. – Встань рядом со мною, слева, да так за мной и хоронись.

– Хотя и нестройно, да здоровее, – одобрил Радко и гаркнул: – Дружина... Рысью!

Вот и Городенск – правду сказал Радко, что слова доброго не стоит. Однако столбы дыма тянутся из всех волоковых окошек, и торчит над стеною острога скособоченная бревенчатая башня, а на верхушке ее мечется лучник, весь в мехах и с трубой.

Раздались за спиною сиплые, мекающие какие-то звуки, и Хотен невольно пожалел трубача, у которого губы, небось, уже приклеились к мерзлой меди. Через несколько томительных мгновений стукнуло-грюкнуло позади, и донеслось:

– Эй! Держи... грамотку! От нашего... князя... вашему князю!

Обернулся Хотен – и увидел, как стрела втыкается в снег, сажень десять до Радко не дотянув, а в сажнях двух в стороне. Тут стало ему совсем нелюбопытно, кто ее запустил, давешний лучник-трубач или какой другой городенский насельник.

Звякнули кольца поводьев рядом, гиканье, улюлюканье, конская возня, глухие удары копыт – это Хмырь поскакал, не боясь своей саврасой лошаденке ноги поломать, молодецки свесился с седла, выхватил из наста стрелу, завернул широкий полукруг по льду Тетерева, чуть не грохнулся вместе с Савраской, однако справился и помчался назад к дружине. Шапку, правда, при сем подвиге с головы сронил, так что пришлось парню спешиваться и поднимать. Стрелу отдал Хмырь децкому уже без всякой лихости.

Смотрел на эту возню Хотен, и пришло вдруг ему в голову, что если для него, человека пожившего, зимняя эта поездка – в лучшем случае лишняя, да еще и опасная докуча, а в худшем – просто тяжела и неприятна, то для юного Хмыря она – замечательное приключение, счастливая возможность вырваться из нудного круга повседневных усадебных работ...

– Дружина... Рысью!

Отвязать доспехи Радко позволил только через час, когда перестал тревожиться о погоне. Упрятали уже лишнее железо в переметные сумы и дружно ежились, провожая упущенное при переодевании тепло, когда Радко вспомнил о грамоте городенского князя. Вынул стрелу из переметной сумы и сунул Хотену:

– Прочитай, друже! А то у меня глаза...

Присмотрелся Хотен, а на стреле у оперенья берестяная трубочка ремешком примотана, крякнул и подозвал Хмыря. Пока тот, скинув рукавицы и за пояс их заткнув, орудовал ножичком и сматывал со стрелы бересту, спросил Хотен тихонько:

– Вроде князю твоему послано, а, Радко? Стоит ли любопытствовать нам?

– Не бойся, друже! Они ж и не знали, кто у нас князь... Читай! Вот только в сторонку от ребят отъедем...

Ухитрился Хотен, рукавиц-мохнатов своих не снимая, ухватить распрямленную Хмырем грамоту за края. Встал, чтобы солнце выдавленные буквы удобно осветило, принялся читать вполголоса. Читая, удивлялся написанному. Прочитавши же, плюнул и проследил за плевком. Тот не на лету замерз, а на снегу уже. Потеплело, значит.

– Да уж, – буркнул Радко. – Матерная брань только одна, и ведь даже не смешно.

– Стоило ли мучиться, грамоте учась, чтобы писать такую грязь? – удивился Хотен.

– Я ж говорил, пьяный человек. Сидит в мурье среди снегов, всех баб в городке познал, как облупленных, от них да от пива князька уже тошнит, морды дружинников своих видеть не может. Вот и задирает проезжих, желает остроумие свое показать...

– Отдашь ли сие князю Изяславу Мстиславовичу?

– Не стану я, – прогудел Радко. – Родичи они все, наши князья. Сегодня поссорятся, а завтра помирятся – и тогда ты же у них виноват окажешься, что ссорил. Да и нет там имени нашего великого князя Изяслава Мстиславовича.

Хотен хотел уже бросить грамотку Рыжку под копыта, да Радко ловко выхватил ее:

– Увидишь, пригодится еще дурная писанина – костер растапливать!

Смекнул Хотен время до сумерек, зябко передернул плечами.

– Вот увидишь, друже, – хлопнул его по плечу Радко, – сегодня будем ночевать в настоящем тепле, как дома.

И рассказал, что есть у них тут, в Черном лесу, тайная стоянка, а там еще с прошлого ночлега все устроено, только бересту поджечь. Принялся было и о самом устройстве теплого ночлега рассказывать, да из отрывистых его речей Хотен мало что понял. Будто бы вырыта на поляне «нудья» – прямоугольная яма размером в две клетки, над нею по краям бревна коробом, они-то и горят через всю ночь.

Однако с ночлегом заладилась не сразу. В сумерках уже, когда поднялись на правый берег и выехали на почти незаметную тропу, невдалеке, как понимал Хотен, от заветной поляны, впереди в лесу дважды проухала сова. Радко остановил дружину, кони сгрудились на узкой тропе, прижимаясь друг к другу. Подъехал дозорный, рассказал, что сперва учуял запах дыма, и тут же мелькнул за стволами сосен отблеск пламени.

– Гости у нас на стоянке, – прогудел Радко. – Вот незадача! Хорошо хоть печку для нас растопили! Марко и Гвоздь, разведайте по-тихому, а удастся, так и сторожа сюда притащите.

Уже совсем стемнело, когда дружинники вернулись.

– Где сторож? – спросил Радко грозно, хотя и вполголоса.

Разведчики переглянулись. Марко толкнул локтем Гвоздя, тот ответил:

– Да у костра сидит, боярин. У того огнища особенного, на нем кашу разбойники варили.

– Откуда же вам ведомо тогда, что разбойники?

– А сторож мертвый сидит, мы же его и посадили, как помер в кустах. Он вокруг костра ходил, подобраться нельзя было. Да только по платью и по оружию его понятно было, что разбойник, я и ударил его бережно стрелой. А в кустах сторож поведал, что в теплой яме их еще шестеро и что они убили на дороге купца и двух его слуг, а добро поделили. Сами пешие. Мед купца выпили и спят. Потом помер тот сторож.

Децкий крикнул и призадумался. Распорядился же так:

– Ты, Хотен, останься с парубком своим, побудьте у нас коноводами. Вы же, ребята, спешивайтесь, доспехов не надевайте. Достаточно и того оружия, что на вас, а то и засапожников. Вот пута, те приготовьте. Пошли!

Зажатые внутри табуна, хоть и были лошади заседланы или под выюками, коноводы успели даже немного согреться, пока за ними не прибежал дружинник, лица которого в темноте Хотену не удалось разглядеть. Вместе они перегнали табун на поляну, где горело два костра – один обыкновенный, а второй над прямоугольной ямой. Радко позвал Хотена из ямы, куда вели ступеньки, вырубленные в мерзлой земле в одном из углов.

– Ну, что я тебе говорил? Ведь и вправду теплынь, а? – возгласил децкий, возлегавший в расстегнутом кафтане на своей шубе и еще на каких-то мехах.

– Да уж, – согласился Хотен, потянув носом. Несло свежей кровью и духом грязных, с лета не мывшихся людей. – Теплынь. А где пленники?

– Я приказал бросить их, связанных, на краю поляны, вместе с убитыми товарищами. Буде какой к утру не замерзнет, его и станем судить. Эй, не спи, Хотенушко, подожди кашу! Эк тебя сморило...

Проснулся Хотен перед самым светом, и не так от прохлады, хотя бревна над ямой уже дотлевали, как от звяканья котла: последний ночной дозорный и разбуженный им повар готовили уже завтрак.

Прошелся в лес, навестил лошадей, а уж тогда вспомнил сыщик и о пленниках. Те лежали в снегу кучей, и все, кроме одного, давно задубели. Живой был в драном полушубке, на который никто не покусился, на ногах лапти, а жили на белом его лице только глаза, уставились на подошедшего. Крякнув, ухватился сыщик за конец веревки, подтащил пленного к костру. Из ямы слышались уже шуточные перекоры дружинников и хохот Радко.

Уже готовые к походу, на конях, Хотен на своем месте в строю, а Радко с ним рядом, вспомнили приятели о пленнике. Нашли дружинника, его обыскивавшего. Оказалось, что имел за пазухой только две гири, явно из добра убитого купца.

– Тебя как зовут, злодей? – спросил небрежно Радко.

– Терпилой, боярин, – пробурчал пленник, усилием воли прекратив выбивать зубами дробь.

– Шутки шутишь? – нехорошо усмехнулся децкий.

– Кто шайку водил? – встрял в разговор Хотен и тут же добавил: – А как звали убитого купца? Надо ж панихиду заказать, боярин.

– Мосейка верховодил, – с запинкой ответил пленник. – А у купца не догадались ребята имя спросить.

– Вот что, боярин, – заявил тут Хотен. – Надо его отпускать. Везти парня на суд ко князю нам не с руки, да и к какому князю везти в нынешней сумятице? Кончать его сейчас, утром, не по закону будет – и не по-людски. Пусть идет.

– Ты у нас законник, друже, тебе и решать, – ухмыльнулся децкий. – А ты слышал, лапотник? Мотай! Попадешься еще раз, тогда не жалуйся.

Разбойник, однако, остался на месте. Спросил у сыщика:

– Скажи свое имя, боярин. Чтобы знать мне, за кого богов молить.

Радко и Хотен переглянулись. Радко тронул коня коленями и отъехал на середину поляны.

– Готовы, мужи? Дозорный, вперед! – гаркнул.

Глава 3

Неожиданное предложение

Последние несколько дней похода Хотен чувствовал себя, хоть и провел их в седле, полузамерзшей, полужаснувшей белугой, которую великокняжеские рыбаки ухитрились выловить через прорубь в Днепре и везут на заиндевелых санях для господского постного стола. Позднее, как вспоминалось ему это путешествие, казалось Хотену, что он только тогда пробудился от вяжущей сонной дремы, когда проехали они Киевские ворота Владимира, и кони дружины взбодрились, не хуже своих всадников предчувствуя тепло и отдых.

Ничего не скажешь, обширен город Владимир на Волини, раскинулся, наверное, в ширину не меньше древнего Киева, богат и красив. Одно различие: Киев живет тесно, что на Горе, что на Подоле, дома и терема толпятся, как народ на торгу, а Владимир дышит вольней. Здесь между постройками большие сады, улицы-дороги широкие, и церкви стоят негусто, да и каменная среди них всего одна, кажется.

– Вот собор наш здешний, Успенская церковь, – перекрестился Радко на крест этого каменного храма, соединенного, как водится, воздушными переходами с большим расписным теремом.

Хотен, пересевший еще перед воротами на тонконового красавца Яхонта, тоже сотворил крестное знамение, а затем трижды пробормотал: «Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с тобою». Если старый друг его мог быть сейчас доволен, успешно выполнив поручение своего князя, то для Хотена с концом пути все только начиналось, и помощь Богородицы была бы нелишней.

А когда закрылись за ними тяжелые, медными пластинами окованные ворота княжеского двора, оглянулся Хотен и увидел, что солнце садится, и над рядами боярских теремов разгорается холодная зимняя заря. В голове у него гудело, веки были будто свинцом налиты, и с ужасом подумал емец, что подвижный и нетерпеливый князь Изяслав может вызвать его к себе прямо сейчас, не дав отдохнуть с дороги.

Однако разговор с князем Изяславом состоялся только после заутрени, которую Хотену позволили благополучно проспаться, и завтрака в гриднице. За завтраком он только и успел изда-лека разглядеть великого князя, сидевшего во главе стола в окружении ближних бояр. При-смотревшись, понял Хотен, что оно даже к лучшему, что не пришлось встретиться с князем Изяславом Мстиславовичем сразу же и лицом к лицу. Здорово изменился великий князь, и не в лучшую сторону. Поседел и сгорбил, будто вечная молоджавость вдруг, разом, взяла и оставила этого пятидесятилетнего полного сил человека. Или болезнь злая подкралась, враг, от которого мечом не отмашешься?

Вблизи, во время разговора один на один, происходившего в горнице на верхнем жиле дворца, убедился Хотен, что догадка его о недуге великого князя верна. Морщился болезненно князь Изяслав время от времени и привычно, сам того уже наверняка не замечая, потирал себе при этом бок. Встретил он Хотена с некоторой холодностью, того, впрочем, не удивившей.

– Давненько не виделись мы, сыщик-хитрец, – протянул князь, прищурившись. – А ведь ты так и не отчитался предо мною по делу Игоря Ольговича.

– Я делал, что мог, великий княже, – поклонился Хотен. – И уже выходил на обидчиков твоего брата князя Владимира, когда меня подрезали.

– Да ты садись, садись... Петр закончил то дело. Он, кстати, проверял, как ты воспользовался разрешением брать, сколько нужно, из моей казны. И был очень удивлен твоей скромностью, Хотен, даже бескорыстием. Я признаться, тоже не ожидал, что ты так мало потратишь на розыск.

– Сам теперь жалею, – буркнул емец себе под нос, а вслух объяснил, что вел розыск за счет допрашиваемых.

– Покончим с этим. Ежели за мной и остался должок, то я его возьму, когда ты выполнишь для меня еще один розыск. Но прежде...

Великий князь неожиданно легко поднялся с кресла и быстрыми, неслышными шагами пересек жарко натопленную, все еще дымком припахивающую горницу. Рывком распахнул дверь, выглянул.

– Стой, где стоишь, Сысойка! – крикнул наружу. – Никого ко мне не впускай и не позволяй даже подойти к двери!

Хотен тем временем присматривался к большому ковру-картине, закрывающему всю стену за креслом князя Изяслава. Не успел понять, что же именно на нем выткано, как князь вернулся на свое место.

– Дело на сей раз сугубо тайное. Впрочем, так повелось, что иных поручений я тебе не даю, кроме таких. До того тайное, что и доверить его тебе могу только в том случае, если ты снова поступишь ко мне на службу.

– А Радко вроде как правил посольство от тебя и сказал, что ты хочешь нанять меня как вольного хитреца, – осторожно напомнил Хотен.

– Разве? – и князь Изяслав, насупившись, потер указательным пальцем переносицу. – Значит, я передумал теперь. Ведь дней десять Радко за тобою ездил. Было время и передумать.

– И про десятую долю от найденного передумал, великий княже? – не удержался сыщик. – Таковую, что можно будет, как хоробру Садко в песне, построить каменную церковь?

Князь Изяслав взгляделся в его лицо, снова прищурившись, промолвил вдумчиво:

– О твоей доле потом, если договоримся. Это очень большой куш, ты таких еще и не видел. Тут нельзя рубить сплеча. Поведай сначала, почему не хочешь ко мне на службу?

– Как же я пойду к тебе на службу, великий княже, если у меня под Киевом семья в поместье? Да и кем меня возьмешь? Мечник у тебя есть, показали мне его сегодня за столом в гриднице.

– Я бы мог взять тебя боярином-радником, как у поляков живет, при дворе зятя моего короля Болеслава. В боярский совет, но не в ближний (те у меня ежедень на службе и за столом), а в большой. Будешь мне служить, только когда понадобится. А короля Гейзу, в первую же встречу с ним, я попрошу посвятить тебя в рыцари. Это для верности, чтобы мои бояре-пузачи на тебя меньше косились. И доля твоя в добыче, как у приятеля твоего Радко.

Кровь хлынула Хотену в лицо. Такой чести он не ожидал. И тут же, будто поощренный княжеской милостью, разум его выдал приемлемое решение:

– Благодарю, великий княже, за великую твою ласку, за великую честь! Разумеется, я иду к тебе в бояре с радостью. И вот что я придумал. Ты ведь не увольнял меня тогда, три года назад, со службы своей?

Князь Изяслав покачал головой.

– Ну вот, а теперь мы можем условиться, что я просто продолжу службу, но уже не мечником, а боярином твоим, великий княже. – Слово «боярин» произнес Хотен бережно, будто пробуя осторожно языком на вкус. – И не станем кричать о том на всех углах, тем более что поручение твое будет тайным.

– Хитер, хитер ты, боярин новоназначенный! – ухмыльнулся князь. – Однако таким ты мне и нужен. Вот теперь, наконец, о деле.

Впрочем, начал князь Изяслав довольно издалека. Он сказал, что и сам понимает опасность приглашения иноземных войск для усобицы на Руси. Правду сказать, венгры и поляки при этом немногим лучше половцев. Добро, что пока речь идет о войсках его близких родственников и сердечных, надежных друзей, королей Гейзы и Болеслава, однако худо, что военачальники венгров и поляков проводят дорогу в Русскую землю. Сейчас они как друзья

его, великого князя, приходят, а повернется течение дел в другую сторону, легко придут и врагами. На киевские полки надежда слабая, они хорошо воюют, только если их драгоценному городу угрожает опасность...

– Однако же, великий княже...

– Что сказал, то сказал. Нечего тебе защищать твоих киевлян, вовсе не в них дело сейчас! Вон и приятели мои сердечные, вожди черных клобуков, присоединяются ко мне, как только начну побеждать, не ранее. И вот что я придумал. Без иноземной подмоги окончательной победы над Юрием и Володимирком мне не видать, вот я и приглашу иноземных вояк, да только таких, что будут токмо мне подчиняться. Наемных варягов приглашу и немцев, коим буду платить за воинские их труды. Половцев диких и хазар – в конницу, почему бы и нет? А нанимать буду их по одному, а не целыми дружинами, как поступали мои предки. Это чтобы труднее им было между собою сговориться. Там посмотрим, как сподручнее будет: или юригельт (вот, и словечко немецкое затвердил!) платить, годовое жалованье, или кормить и поить, как наших дружинников, и давать долю в добыче.

– Если деньгами, так каждый немец будет, пожалуй, на отдельном костерке свою похлебку варить, – усмехнулся Хотен.

– Да пусть варит! Главное, чтобы на войне мои приказы выполнял, а не как твои земляки-киевляне: хотят – наступают, не хотят – шлют гонцов, что пора-де им, хоробрам, и по домам... Ты бы лучше не об отдельной немецкой похлебке заботился, а спросил бы у меня, где я денег возьму на наемное иноземное войско?

– Не думал я, великий княже, что твоя казна сейчас настолько полна, – осторожно заметил Хотен.

– Состояние моей казны есть державная тайна! – погрозил пальцем князь Изяслав. – Однако казна тут ни при чем. Если и пусто там сейчас, мечом добуду, сколь надобно мне – так не раз уже бывало. Наемному войску я заплачу не из нынешней своей казны, а из денег, которые добудешь для меня ты, боярин мой ты новый, свеженький, с пылу с жару.

Хотен почувствовал, что его пот прошиб. Кого это задумал ограбить князь Изяслав и почему выбрал для сего злого дела его, человека мирного? Разве мало у князя бессовестных рубак? И стоит ли того боярская честь?

– Ты должен найти и выкопать большой клад. Ты человек честный... Любишь, любишь золото-серебро, а честный... Чужого, не заработанного не возьмешь. Я бы мог найти другого хитреца-мудреца, который и честным бы казался, и денег не любил бы... Только кто угадать бы мог – может быть, он как раз на большой куш и польстился бы? Может быть, он как раз такого куша всю жизнь и ждал? А ты показал себя добре дважды – и когда вместо денег или награды целым табуном конским попросил у Башкорда жизнь ничтожного раба-персиянина, и когда с казной моей в Киеве так бережно обошелся. Представляешь, как зачерпнул бы из нее приятель твой боярин Петр, если бы я сваял дурака и написал бы ему такую же грамоту, как и тебе?

Хотену стало неловко. Ведь у него руки просто не дошли тогда до великокняжеской казны – очень уж увлекся розыском убийц Игорька-хорька, да и мечтами о Несмеяне... Время ли сейчас об этом вспоминать? Ведь куда важнее, чтоклады ему искать еще не приходилось. Он честно признался в том князю Изяславу, а тот только отмахнулся.

– И митрополит отец Клим о тебе хорошо отзывался. Он здесь, со мною, ты ведь знаешь?

– Да, великий княже, на Киеве суздальские бояре все грека ждут, из Цареграда.

– Долго ждать будут. Отца Клим признают епископы большинства княжеств. Отец Клим считает тебя книжником и в душе настоящим христианином, чему я, признаться, дивовался, однако не стал и разуверять доброго отца Клим. Теперь о кладе. Он закопан был дедом моим Владимиром, а его тайну дед открыл мне за несколько месяцев до смерти своей. Дед тогда побил горшки с моим отцом, обижался и на младших своих сыновей, а вот ко мне благоволил. Может быть, потому что отец долго держал меня на посылках, не знаю, а я так и рвался

повоевать... Сейчас святые отцы и деды наши, в рае своем восседаая, конечно же, стремятся, как могут, помочь нам, их потомкам, однако при жизни им было трудно с нами, а нам немало приходилось вытерпеть от них. У тебя-то самого как жизнь с отцом складывалась?

– Обычно, великий княже, как у всех... Я его любил и уважал. Конечно же, хотел ему подражать, и вот тоже стал сыщиком. А батька мой был убит на службе отцу твоему великому князю Мстиславу, когда мне было только двенадцать лет.

– У нас, у Рюриковичей, не как у всех. У вас отцу и сыну нечего делить, разве что любовь жены и матери. А у Рюриковичей младенец привязывается больше к кормилице, а мать видит издали. И вообще у князей семья не так дружно и тесно живет, как у простолюдинов, о чем тебе, небось, известно. Зато, правда, и муж с женою, – тут князь Изяслав усмехнулся, – реже дерутся. А в первую голову у нас отца и сына ссорит власть. И чем выше положение обоих в княжеском роду, тем глубже распря. Ты скажешь, великий князь может дать сыну удел и тем поделиться властью, вместе с тем и отделив его от себя, но сколько раз в таких случаях сын, укрепившись в своей волости, начинал грозить оттуда собственному отцу! Для чего я это тебе рассказываю? Дело того требует. Ты должен знать все, чтобы не осуждать поступки моего деда Владимира, кои чернь может легко осудить.

– Как могу я осуждать великого князя киевского Владимира Всеволодовича, а по-народному Владимира Мономаха? – искренне поразился Хотен. – Я видел его не раз, и отец мой покойный его боготворил...

– Ты видел его мудрым старцем в благородных седирах, на арабском коне в золотых доспехах, а я иначе... Впрочем, знаешь ли, как ни любил я деда, как ни преклонялся перед ним, в чем-то я понимал тогда и своего отца. Ему было под пятьдесят, моему отцу, у него уже внуки были, и он был могуч и свиреп, так и рвался отвоевывать у поляков земли по Бугу. И представь, что волю такого мужа подавлял осторожный старец, которому и в голову не приходило передать старшему сыну власть! Так вот, незадолго до смерти своей дед вызвал меня к себе из Смоленска, при этом посол его загнал двух коней. Я пустился в путь, еле успев переодеться после охоты, и ввалился к нему в ложницу, как был, в дорожной пыли. Дед, вопреки моим опасениям, оказался бодрым и веселым. А начал с того, что посмеялся надо мной: уж не вздумал ли я, что он возжелал посадить меня на киевский золотой стол? Потом заперся со мною наедине, вот как я с тобой, и сперва долго выспрашивал меня, что я думаю о дядях и о старших племянниках как о державных мужах. Потом изложил, не торопясь, свое мнение о них, и я изумился: наши мысли почти во всем совпали...

– Открыл мне один мудрец, что судьба и дарования божеские передаются не от отца к сыну, а от деда к внуку, – пробормотал Хотен.

– И кто был сей мудрец?

– Не прогневайся, великий княже, но поведал мне сие киевский волхв Творила.

– Только не повтори этого отцу митрополиту Климу! И тогда говорит мне дед (и я навсегда запомнил его слова): «Изяслав, внук мой любимейший! Рано или поздно быть тебе великим князем, поэтому обращаюсь к тебе через голову отца и дядей твоих. Я старался, как мог, удержать Русь в одних руках, но дальше будет еще хуже. Именно тебе я оставляю тайную свою скарбницу, которая поможет тебе набрать войско в трудную годину». И он объяснил мне, где эту укладку взять и про некоторые подробности, они же меня, скажем так, удивили. О чем ты хотел спросить?

– В чем все же тогда не совпали твои и деда мысли о том, как держать Русскую землю?

– Вопрос уместный есть, как ответил бы тебе отец Клим-митрополит. Дед мой вовсе не верил степнякам, что своим, что диким, и был чересчур жесток с ними. Я же, как ты, небось, знаешь, отношусь к восточным нашим соседям по-иному. Всем ведомо, что торческий и печенежский князьки заседают у меня в ближней боярской думе, и я всегда равно награждал в своей дружине как русичей, так и кочевников, крещеных и некрещеных, у меня для дружин-

ников одна мерка. Думаю, что и с половцами наши потомки еще проживут мирно, а то и в едином государстве: уже и сейчас есть много примеров доброго совместного житья, а встречная, всем выгодная торговля хлебом и утварью с нашей стороны, конями и скотом – с их началась с Великой степью еще тогда, когда на землях половцев кочевали печенеги. Однако и деда своего я могу понять. Половцы его времени были непохожи на сегодняшних, потому что только что вышли из Великой степи и не успели осмотреться. А мой дед на всю жизнь убедился в их свирепости, когда лет уже сорока, после битвы на Стугне, увидел, как на его глазах тонет в сей речушке, спасаясь от половцев, его младший брат, юный Ростислав, а дед ничем не смог ему помочь. Я думаю, что он и сам крепко испугался, когда бежал тогда от половцев, и не мог этого простить половцам всю свою жизнь. Скажи, тебе не приходилось ли бежать с поля боя, да не одному, а в толпе смертельно перепуганных людей?

– Бог миловал, великий княже, – ответил Хотен осторожно. – В толпе с поля битвы не бегал.

– Я тоже только отступал, – усмехнулся князь Изяслав. – И многожды отступал, в чем не стыжусь признаться. Ведь отступить в полном порядке, соображая пути отхода и куда отводить людей и обоз, это совсем другое дело. Такое отступление помогает сохранить войско, а то и выиграть в удобном для того месте следующую битву. А в бегстве с толпой муж теряет голову, он полностью подчиняется перепуганному сброду. Думаю, мой славный дед и того не мог простить половцам, что они заставили его пережить этот ужас невладения собой. Подумать, так ведь это крайнее унижение для храбреца.

– О том, что великий твой дед если и брал половцев в плен, то для того только, чтобы казнить, и мне приходилось слышать.

– Разве? Так вот, серебро и золото в том кладе – только половецкие. Сокровища князей половецких, вот чьи это драгоценности. Ты понял, в чем соль?

– Я понял, что это чистое золото и серебро, не из погребений древних царей или баб-воинов, полениц. Следовательно, сокровища эти не нуждаются в очищении церковью и принадлежат не церкви, а тебе по праву.

– Если бы так, боярин! Если бы так... Беда в том, что клад не из погребений взят, однако его охраняют мертвые сторожа.

Глава 4

Задание начинает проясняться

Холодом пахнуло в протопленной горнице, и Хотен невольно передернул плечами. Мертвые сторожа! Ничего себе поручение...

– Мне тогда, как дед о том поведал, тоже не по себе стало. Оказалось, что клад закапывали пленные половцы, а после их прямо в яме застрелил верный отрок деда, Сапожок. Его уже тоже нет на свете. Дружина стояла далеко от того места, на лесной дороге. Дед смело поступил, заставив четверых пленных половцев ночью везти повозку с сокровищами в сундуке, потом закапывать сокровища, а при них только слуга-лучник и он сам, уже немощный старец. Убитых половцев дед со слугою вооружили, и слуга закопал их над кладом – сторожить. Такое злое дело совершил дед по совету одного киевского волхва. Потом дед отлеживался в сторонке на возу, а Сапожок до света гонял коней по полю, затаптывая место, где закопан клад.

– И как же теперь его найти?

– Об этом после, – отмахнулся князь Изяслав. – Мне мертвые сторожа покоя не дают. Моя бы воля, я бы так и оставил дедов клад в земле, пусть черви земляные им владеют, да только прижало меня уж очень сильно... Думай, боярин, думай, как можно мертвых сторожей обойти.

– Но если волхв посоветовал, то он же, наверное, знал, и как безопасно откопать укладку? – скорее себя самого, чем князя, спросил Хотен. И обратился уже ко князю Изяславу: – Я понял так, что имени волхва-советчика великий князь Владимир Всеволодович тебе не назвал...

– Не назвал, нет. И я не говорил про мертвых сторожей отцу Климу. Ты ему тоже не говори, Хотен. Боюсь, что в волшебстве святой отец нам не помощник. Тут или мы сами с тобой придумаем, как поступить, или...

– ...или спрашиваем у другого волхва, тоже знающего, уважаемого. И спросить должен я, а не ты, великий княже, – подхватил новоиспеченный боярин и призадумался. – А волхву обещать награду за его помощь.

– Согласен. Любопытно, а жив ли еще твой Творила?

– Живой, и двадцать уже лет, не меньше, как все таким же остается, будто вот-вот помрет. Значит, я его выспрашиваю, ничего иного о кладе не открывая, кроме того, что сторожить его положили мертвых язычников?

– Где ты видел лежащих сторожей? – тут князь Изяслав повернулся к красному углу и перекрестился. – Они сидят над укладкой, головами на четыре стороны света, с копьями.

– О Господи! – ахнул Хотен. – И в том еще заковыка, что мне теперь опасно появляться в Киеве, великий княже.

– Здесь, у меня в тереме, нет вражеских лазутчиков. Мой обычай с ними прост. Поймают соглядатая, велю на воротах расстрелять. Мои же люди тебя не выдадут. А приедут гонцы от злого дядюшки моего Долгорукого, не то послы от Володимирки Галицкого или от черниговских братьев, ты им просто на глаза не попадайся. О боярстве же твоим я объявлю, только когда в Киев снова въедем, если боишься.

Хотен отнюдь не разделял сей уверенности князя Изяслава и в другое время предложил бы свою помощь в том, как надежнее обеспечить от проникновения лазутчиков. Однако была у него своя тайная причина для того, чтобы попасть поскорее в Киев, причина, в которой он постеснялся бы признаться великому князю и уж, под страхом смертной казни даже, не обмолвился бы и словом о ней отцу митрополиту Климу.

– У Творилы я выпрошу, как взять клад безопасно и чтобы не ушел от меня в землю. Теперь я должен знать, где закопан и кто мне поможет раскопать и будет охранять, когда повезу его к тебе во Владимир.

– Ишь, как принялся ты распоряжаться, емец! – расхохотался князь Изяслав. – Кому брать клад вместе с тобою, мне ясно – кому же, как не приятелю твоему Радко с его десятком седых сорвиголов? А вот где клад, об этом как раз тебе и придется разузнать.

Видно, вся растерянность Хотена сразу же и написалась на его обветренном лице, потому что великий князь от души расхохотался. Вскочил со стула, распахнул дверь и гаркнул:

– Эй, Сысойка, подай нам с гостем гретой романей! Да проследи, чтобы не закипела у них на кухне, как вчера!

Разглядел Хотен на сей раз, как снова высовывал князь Изяслав голову в дверь, что у того теперь на темени большая плешь, а обрамляющие ее курчавые волосы сплошь поседел. И едва успел убрать с лица отражение жалости и печали, им испытанных, как великий князь резко повернулся к нему.

– Да сиди ты, сиди – что вскакиваешь! Или ты хотел шпалеру сию посмотреть? Давай гляди-гляди, а чего здесь выткано, тебе отец Клим расскажет. Пожалуй, придется тебе запомнить им сказанное, потому что, боюсь, повезешь ты шпалеру эту в Вышгород, как поедешь послом от меня к дяде моему бестолковому князю Вячеславу.

Хотен схватился за голову. Давно уже никто не делал из него такого дурака! Князь снова рассмеялся.

– Подожди мало, станет Сысойка снова настороже, я тебе все поясню. А пока погляди-ка шпалеру. Мне ее король венгерский подарил, такую и в Киеве не увидишь. Немцы придумали сии хитрые да утешные ковры делать: у них там замки сплошь каменные, холодные, а повесишь такую на стену – и дует меньше, и веселее. Дяде Вячеславу она зело понравилась, вот и придется тебе отвезти. Знаем мы, что ему тут по нраву придется – голая баба выткана во всей своей красе, а чего еще старичку осталось в жизни, как на такое только полюбоваться?

И он подмигнул Хотену с видом удальца, которому многое еще остается в жизни, в отличие от немощного старика Вячеслава. Новоиспеченный боярин почувствовал себя неловко, будто князь поставил его тем самым на одну доску с собою, и перевел глаза на эту, как ее, шпалеру. Справа там, действительно, маячила белокожая молодая баба. Золотые ее волосы уложены были в странную рогатую прическу: эдакие кудрявые рожки торчали из нее – спереди побольше, как у козы, а меньшие ближе к затылку. И нельзя сказать, чтобы была баба совсем голая: тощий живот ее пересекал золототканый, с кистями, пояс. Баба полусидела, полулежала на ложе, опираясь на локоть, а маленьким, детским пальчиком другой руки на тот свой пояс указывала. Бесстыдно вытянула она перед собою свои некрасиво длинные и худые ноги, словно предлагая их собеседнику. И хоть не показалась молодуха Хотену такой уж распрекрасной или даже привлекательной, с неохотой перевел он взор свой на ее напарника, до того маячившего неясным пятном в левом нижнем углу ковра. Оказался тот полуодетым жирным стариком со страшноватыми бельмами на глазах. Он сидел на короткой скамейке, уперев в пустой, ненарисованный пол свои толстые ноги, обутые в калиги. На Руси эту ременчатую обувь заказывают себе паломники, собираясь в Палестину, да только у старца калиги сплетены были из золоченых ремешков. По краям картины странную парочку опоясывала длинная белая лента, вся записанная черными буквами, в большинстве своем неизвестными Хотену.

– Грудки-то какие у нее маленькие, – заметил тут князь Изяслав и вздохнул, – будто две грушки торчат.

– Да уж, точно по пословице «Что немцу пригоже, русичу негоже», – пробурчал Хотен. – Впрочем, баба сия не рожала еще, как видно. Родит ребятенка, он ей живо груди растянет, зубками-то.

– Пустое несешь! – отмахнулся от него князь. – Что нам, мужам, до того, какой молодушка после родов сделается? Да и рожала она, ведь сие римская богиня похоти. А мне бабы-девочки, ей-ей, по душе, Хотен, только редко они среди наших коровушек встречаются. Мне сейчас как раз сватают такую в восточных землях, Русудан, грузинскую царевну. Сия же на шпалере зело напомнила мне одну давнюю знакомую... Ты с нею, впрочем, тоже встречался, и нрав ее зная, никогда не поверю, что она не преминула затащить тебя, такого кудрявого, в свою постель.

– Что ж ты такое говоришь, князь? – изумился Хотен.

– А ты присмотришься, присмотришься! Только не на лицо смотри – лица у них как раз не весьма похожи, – ниже!

Невольно всмотрелся Хотен – и ахнул...

– Узнал, наконец? Ну точно она, Звенислава, дочка Всеволода Давидовича. Я ее еще в княжнах знал – ничего не скажешь, бойкая была девица! Потом ее в жены взял известный тебе Владимир Давидович, не сладились у них, и увез ее в степь Башкорд, благодетель твой. Ишь ты, как покраснел...

Тут, выручая Хотена, ввалился в горницу слуга с двумя кубками. Пожирая выпученными глазами господина своего, он с поклоном вручил ему серебряный кубок, а Хотену, не глядя, сунул стеклянный, в медной оковке.

– Иди, сторожи! И сам стань, где я тебе указал.

Когда дверь закрылась за слугою, князь откинул крышку с кубка, пригубил исходящее парком питье и знаком пригласил гостя себе воспоследовать. Емец отхлебнул и не почувствовал вкуса – потому, быть может, что обратился в слух.

– Дед мой тогда не раскрыл мне прямо, где закопан клад и какие у него приметы. Вместо этого он взял с полки книгу и сказал, что ключ к сокровищу в ней. Потом смотрел, посмеиваясь, как я отстегнул застёжки и разогнул книгу на первом листе. Начал читать с начала, а там кто-то пишет, что он, недостойный, славным дедом своим Ярославом наречен в крещении греческим именем Василий, русским именем Владимир, а также о возлюбленном отце своем и матери Мономаховне – сам дед, стало быть. И вот он сидит на санях и благодарит Бога, что дожил до сих дней. А дед и говорит мне: «Достаточно покуда для тебя. Сие написанное мною поучение сыновьям моим. Предупреждаю, что ключ от сокровища извлечь из него нелегко. Так я надежен буду, что ты примешься искать его тогда только, когда оно станет тебе действительно необходимым. А еще: раскрыть тайну сможешь лишь в том случае, если у тебя будут действительно умные советники. Если же не понадобится тебе сие сокровище или ключ к нему твои советники найти не смогут, передай книгу и все сказанное сыну своему любимому». Вот таким образом, Хотен.

– Мудр был великий князь Владимир Всеволодович, поистине мудр...

– Даром, что ли, о нем, Владимире Красном Солнышке, гуляры песни поют? Как это... «Хитер-мудер, мудрей в свете его нет».

– И ты, великий княже, прочитал, конечно же, сию книгу?

– Конечно, прочитал, – усмехнулся князь Изяслав. – Хотя и небольшой я любитель чтения. Там дед излагает науку державной мудрости и рассказывает о подвигах своей жизни. Есть и полезные для души выписки из «Псалтыри». Нет только никаких указаний, где искать клад. И не я один эту книгу деда читал. Редкость, конечно, однако ведь дед приказал переписать ее еще трижды, переплести и книги раздал сыновьям – моему покойному отцу, князьям Ярополку, Андрею и Юрию Долгорукому. Не дал только дяде моему Вячеславу.

– Погоди, великий княже, дай подумать, – попросил Хотен. Сделал добрый глоток горячей кисловатой жидкости, и в голове у него мгновенно прояснилось. – Выходит, разгадка таится именно в той и только в той книге, которую тебе твой прославленный дед подарил!

– Вот, и отец митрополит Клим мне то же самое сказал! Значит, можно надеяться, что не глупые вы у меня советники. Беда наша в том, что нет у меня сейчас той книги.

– А как же ты, великий княже, ухитрился такую ценность из рук выпустить? – вскочил на ноги Хотен и расплескал бы романею, если бы не осталось вина уже на доньшке. Тут же опомнился и поклонился. – Прости меня, великий княже.

– Да ладно уж, – князь отмахнулся. – Сам ведь разумею, что сплеховал. А дело было так. Через два года после смерти деда обещал дядя мой Ярополк дать мне первую мою волость – в Курске, однако колебался. Тогда дядя Вячеслав пообещал за меня перед ним ходатайствовать, если я отдам ему эту книгу. Дядя Вячеслав очень обижался, что ему списка отцовской книги, в отличие от братьев и даже племянника, не досталось, и недоумевал, почему.

Тут ухмыльнулся князь Изяслав, и боярин его позволил себе усмехнуться в ответ. Впрочем, лицо его тут же вытянулось.

– А не могла ли, великий княже, та книга пропасть? Скажем, сгореть на пожаре?

– Не могла она пропасть, – князь заявил это весьма уверенно, и тут же снова ухмыльнулся. – Дядюшка мой князь Вячеслав Владимирович известен своей неудачливостью, а вот пожаров в его теремах не было. Бог миловал старичка. И он человек постоянный, и в чудачествах своих, и в чем важном: уж если так дорожил сей книгою четверть века тому назад, то будь спокоен, дорожит и сейчас.

– Понял, великий княже. Я должен съездить к стрюю твоему князю Вячеславу Владимировичу... А где он сейчас сидит?

– Помирился с братом своим Юрием, хранит худой мир со мною, а сидит в Вышгороде. Поедешь послом от меня, сменяешь сию шпалеру на дедову книгу. Только дело непростое, обсудить его надо спервоначала с отцом митрополитом.

– Благодарю тебя, великий княже, за честь, но можно ли мне ехать послом, коли дело тайное? Уж где-где, а при дворе князя Вячеслава Владимировича найдутся доброхоты твоих врагов...

– Верно, не подумал! – хлопнул себя по лбу ладонью князь. – Послом поедет Радко, а ты в его охране. Порадуем старика, пусть попыжится! Тебе же я дам свой шлем с забралом, и ты в нем проедешь через Вышгород и снимешь только в палате у Вячеслава, когда начнешь править посольство. Пусть Радко потребует для вас с ним обоих беседы наедине, а говорить будешь ты. Бери насовсем мой старый добрый шлем, дарю по такому случаю! Мне ведь позавчера привезли давно заказанный в немцах новый, с золотым святым Пантелеймоном спереди. Теперь и с забралом на лице меня каждый узнает!

Глаза у князя Изяслава горели, он схватил кубок, взвесил в руке и заглянул на дно. Потом захлопнул крышку и поставил посудину на стол. Хотен тем временем подскочил со скамьи и одним глотком допил вино.

– Значит, сделаем вот как, – подытожил князь. – Даю тебе три дня на отдых и на сборы. Непременно обговори это дело с отцом митрополитом. Сегодня у нас пятница? Во вторник выезжаете в Вышгород. А теперь я тебя не задерживаю, сыщик... Боярин то бишь.

С гудящей головой отправился Хотен искать обиталище отца митрополита. Выяснилось, что господин отец Клим разместился в доме протопопа Успенского собора отца Пахомия, потеснив его на три клетки. Велик ли дом, не успел узнать Хотен у словоохотливого владимирца, потому что тот прохожий уже показал ему калитку в высоком заборе и поспешил по своим делам. В калитку вделан был бронзовый дверной молоток, с замысловатым украшением, но не было времени рассматривать диковину. На стук уже отозвался невидимый пес звоном цепи и рычанием, и замолк, остановленный торопливым: «Молчи, бога ради, Задорушка, отец митрополит пишет!»

Зашаркали подошвы, выглянул из калитки заросший бородой по самые уши келейник митрополичий, Ефим. Придерживая накиннутую на рясу шубу, всмотрелся и спросил:

– Ты, что ли, Хотенко, бывший княжеский мечник?

– Я, отче Ефим, только теперь бери повыше – боярин великокняжеский!

– Бояре пешие не ходят, да и без слуг... А с рожей у тебя чего?

– Обветрился на морозе, отче Ефим.

– Гусиным жиром намажь, пока не... Эй, ты куда? К отцу митрополиту не можно! Он проповедь сочиняет!

– Ты прости меня, но у меня к господину отцу поручение от великого князя! – пояснил Хотен с запинкой: лохматый черный кобель с хриплым лаем бросился и оскалил на него желтые клыки, стоя на задних лапах и сдерживаемый лишь цепью. – И весьма срочное!

– А хотя и от патриарха цареградского! Отец митрополит сейчас никого слушать не будет, а меня из-за тебя накажет...

Уже с крыльца обернулся Хотен к келейнику и развел руками. Из сеней, пыхнувших жилым паром, ткнулся он в одну дверь – и захлопнул тут же, наткнувшись на возмущенный взгляд дебелой молодежи, должно быть, протопопицы. Перед следующей дверью скинул шапку, постучал и сразу же вошел. Пахнуло ладаном, воском свечей, старой кожей книг и переплетов – на сей раз он не ошибся...

– Живи вечно, господине отче митрополите! – поклонился. – Дело у меня к тебе самое срочное от господина моего великого князя.

Митрополит Клим, с киевского их знакомства почти не изменившийся, мрачно вглядывался в него. Он как раз писал на колене, на столе перед ним валялось несколько книг, разогнутых или с закладками, и в зубах держал митрополит кожаную закладку, концы которой свисали над побелевшей уже бородой, как вторые, темные усы.

Отец митрополит выплюнул закладку, целясь на подставку для книги, не попал – и вдруг сморщил лицо в улыбке:

– Близо, зело близо Второе пришествие! Вот уж и земля zaczynaет отдавать своих мертвецов! Тебя же зарезали, мечник...

– Как видишь, жив покуда, господине отче митрополите, – снова поклонился Хотен. – Просит тебя великий князь...

– Гневаться мне не к лицу, чадо, – снова нахмурился отец митрополит, – ибо пишу я сейчас слово поучительное о смирении Христовом. Однако тебе ведать надлежит, что никому, и самому великому князю тоже, не дозволено мешать мне, когда готовлюсь к проповеди! Приходи после службы Божьей, вместе пообедаем, чем Бог послал, и потолкуем.

За дверью Хотена поджидал келейник. Прижав палец к губам, отвел к отдающей холодом входной двери. Спросил вполголоса:

– Что, выставил тебя?

– Бери выше, Ефим, пригласил сегодня на обед.

– А меня спросил разве, чем тебя кормить? Ладно, дам тебе совет: обязательно отстой обедню и потом похвали проповедь. Отец Клим зело волнуется, доходит ли его слово до мирян, а ты ему угодишь.

Глава 5

На обедне в Успенском соборе и на обеде у митрополита

Если князь Изяслав признался сегодня, что не большой любитель читать, то мог бы и Хотен признаться ему встречно, что не большой любитель отстаивать обедни, разве что на большой праздник. Но его никто об этом не спрашивал – и слава богу. Сейчас подумалось емцу, что в нечастом хождении в церковь есть и своя хорошая, во всяком случае, для него, грешника, сторона: темноватые по языку церковные песнопения и чтения приобретают некую завлекательную свежесть, воспринимаются как если не вновь услышанные, то как забытые, а в воспоминании полузабытого, в мысленном возврате к нему есть своя трудноизъяснимая прелесть. Сначала встал он у столба в притворе – так, чтобы непременно попасть на глаза митрополиту Климу, потом отступил в тень и начал осматриваться. Оказался собор и внутри весьма просторным, а росписи достойными подробного разглядывания – не во время службы, конечно, когда не принято бродить по церкви. Роскошных, вечных мозаик, как в Святой Софии или в киевском же Михайловском Золотоверхом соборе, здесь нет, такие себе только богатый столичный храм может позволить, но и водяные краски на штукатурке казались свежими и ясными, а лица святых, во всяком случае, те, которых он сумел рассмотреть из своего угла, показались ему не такими далекими от повседневной человеческой жизни, как запомнившиеся по Святой Софии.

И хор вступал весьма красиво и мощно, и не так, как по праздникам в Софии или в Десятинной, когда одна станица певцов по-нашему поет, по-славянски, а вторая по-гречески. Здесь пели только по-славянски, когда в сознании отпечатывалось почти каждое слово, на волне сладкоголосых звуков принесенное, и постепенно Хотеном овладело особое настроение, может быть, и не молитвенное, однако размягченное и грустно-приятное так уж точно. Захотелось и самому совершить приличное месту и случаю деяние. Отступил он в тень, за столб и, когда глаза привыкли к темноте, присмотрелся к участку стенной росписи, что оказался напротив его головы. То были ноги святого в несусветных, ибо ходить в таких невозможно, веревочных калигах и край его желтовато-зеленого хитона. На всем этом белели, свежие ярче, давние слабее, цепочки букв – благочестивые надписи прихожан. Оглянулся Хотен, распахнул шубу, отцепил от пояса писало, вздохнул сокрушенно, от полноты сердца, и принялся и себе выцарапывать буквами не большими, не малыми, а как у людей: «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ МЯ, ГРЕШНАГО ПАНТЕЛЕЙМОНА, БЛУДЬ ТВОРЯЩА С ИНОКИНЕЮ».

Еще раз вздохнул Хотен, поднес к глазам писало: острый кончик медного орудия, полгода, наверное, не бывший в работе, сейчас чуть ли не светился в полутьме. Повесил писало на место и осторожно, пятась и мелкими шажками, переместился к другому столбу. Дело свое он сделал, раскаялся перед Богом и свидетельство раскаяния своего навечно оставил на стене храма (конечно же, навечно, ибо что может приключиться с каменным собором?), однако из этого вовсе не следует, что он намерен признаться в своем смертном грехе кому-нибудь из попов, не говоря уж о добром, но крепко себе на уме отце митрополите Климе.

А там пришло и время проповеди. Отец митрополит уселся в каменное кресло посредине церкви, а сразу поредевшая толпа мирян растеклась по скамейкам. Хотен оказался спереди, довольно близко от отца митрополита. Тот, по-прежнему худой лицом, телом нежданно растолстел: поддел, небось, шубу под фелонь, крестами покрытые свои ризы, а может статься, и не одну: храм был построен холодным.

Отец митрополит сперва объявил, о чем будет говорить. Как оказалось, он хочет истолковать те слова Евангелия от Иоанна, где рассказывается, как Иисус Христос в начале Тай-

ной вечера вдруг взял да и вымыл ноги апостолам. Глухой голос отца митрополита терялся в огромном пространстве храма, однако Хотен поначалу пытался вслушиваться. Проповедник приводил без конца мнения разных отцов церкви, и все у него сходилось к главной мысли: уж если Сын Божий снизошел до того, чтобы вымыть ноги своим ученикам, то обычному смертному тем более пристало перед всеми смиряться и подавлять свою гордыню. Напрасный труд – можно подумать, что наша жизнь сама сей жалкой мудрости не учит... Убеждал бы уж лучше князей да бояр! Хотя и то сказать: хорош был бы князь Изяслав, если бы вдруг вздумал скинуть верхнюю одежду, застаться полотенцем, повесить его себе на плечо, как отец Клим свой омофор, и, притащив лохань с водою, принялся бы обмывать ножищи собственных старших дружинников. А Иисус, ничего не скажешь, огромное смирение показал. Хотен припомнил, как мать заставляла его мыть ноги, после того как он летом весь день бегал босиком окрестными улицами с соседскими мальчишками. Пугала матушка, что иначе ноги покроются цыпками, а что такое эти «цыпки», Хотен и сейчас не знает. Говорят, что своя вонь не слышна, однако запах, как отмывал ноги в лохани, был еще тот! А не стоило ли Иисусу лучше повести бояр, то есть апостолов, в баню? Тем более это было бы уместным, если учесть, что Иисус знал о своей скорой смерти. Ведь существует же прекрасный обычай мыться перед боем, чтобы встретиться со смертью чистым хотя бы телом, если душою по человеческому несовершенству не выходит. А в крайнем случае чистую рубаху надеть... Тут перед Хотеном завертели всадники в малахаях, размахивающие саблями, совсем близко мелькнуло конское неподкованное копыто – еле успел отпрянуть, а из руки чуть не вырвался тяжелый меч...

– ...научить вас смирению, чада. А теперь идите с Богом. Мир вам.

Хотен осторожно открыл глаза. Слава богу, он сидел, спиной прислонившись к стене, и едва ли митрополит отец Клим, как и все книжники, слабый глазами, заметил, что приглашенный им на обед гость позорно задремал.

Впрочем, в последнем Хотен ошибся, и это выяснилось уже в начале обеда, после того как отец митрополит выставил из-за стола келейника:

– Позже, Ефимушко, позже пообедаешь, тем, что мы тебе на блюдах оставим... А то пойди к протопопице, пускай тебя накормит. У нас дело не для твоих ушей.

Келейник, ворча, забрал со стола свою ложку и кружку и, громко топая сапогами, исчез за дверью. А когда хозяин и гость помолились и взяли себе по ложке квашеной капусты с блюда, отец Клим, прожевав, вдруг перегнулся через стол и едва ли не воткнул Хотену в бровь тонкий указательный палец:

– А что тебе приснилось, чадо, когда на проповеди моей заснул?

Хотен до того растерялся, что ответил чистую правду:

– Отбивался мечом от диких половцев, и меч был зело тяжел. И что бы сие значило, господине отче митрополите?

– Это у греческих язычников сны в некоторых храмах считались вещими, – без улыбки ответил отец Клим. – А наша православная церковь в тщании истолковывать сновидения как предвидение будущего усматривает греховное суеверие.

– А как же Иосиф Прекрасный, что истолковал сны фараона? – удивился Хотен.

– Мало того, и пророк Даниил толкует сон Навуходоносора, однако о сем повествуется в Ветхом Завете. А даром, что ли, Ветхий Завет до сих пор не переведен полностью на славянский язык? Мы, христиане, живем по Новому Завету, а Иисус Христос не толковал снов. Ветхий же Завет мирянину, да и простому чернецу читать опасно есть, да не ввергнется неразумный в бездну гнусного иудейства. Впрочем, и премудрый Соломон хорошо сказал, что «сновидения бывают при множестве забот». Тебя беспокоят опасности, связанные с новым поручением князя, только и всего. Непонятно мне токмо, почему ты заснул именно на моем поучении.

Укор отца митрополита прозвучал мягко, и Хотен решился на пояснение:

– Слишком уж умное твое поучение, его бы лучше мне прочитать, а не прослушать. Когда читаешь, работают и глаза, и слух, и всегда можно остановиться и возвратиться к началу, а слушать куда тяжелее. И еще твое поучение будит у слушателя мысль. И мне тогда мысль пришла. Дозволишь ли, господине отче митрополите?

– Давай, и наперед прощаю тебе еретическое прегрешение, без коего, мыслю, не обойдется.

– Спасибо, господине отче. Трудился я тогда мыслями, пока в сон не впал, утрудившись. Скажи, почему ты приводил сказанное многими мудрецами, но обошел слова святой княгини Ольги к древлянским послам: «Измывшись, придите ко мне». Разве не подражала наша святая княгиня Иисусу Христу?

– Чего-нибудь в таком роде я и ожидал от тебя, чадо, – усмехнулся митрополит. – Вот только не ересь ты ляпнул, а простую глупость полупросвещенного киевлянина, коего хлебом не корми, а дай порассуждать о местных святостях. Ведь благочестивая княгиня Ольга (святой называть ее рановато, покамест православная церковь не причислила к лику святых) приказала сие древлянским послам перед тем, как сжечь их прямо в бане. Она тогда еще была язычницей и мстила за смерть мужа своего Игоря Рюриковича. Когда же приняла христианство, все прежние грехи осыпались с души благочестивой княгини, как скорлупа с грецкого ореха.

– Ты замечательно проповедовал, господине отче митрополите, – промолвил Хотен, уставившись на горшок с дымящейся паром кашей. – Так прямо до сердца твои слова и проникают.

– Добре, – вздохнул отец Клим. – Надежда мне остается, что пишу я лучше, нежели проповедую. Налегай на кашу, пока не простыла, и извини, что заправлена постным маслом – оливковым. Утолим первый голод, тогда и побеседуем.

Обещанную беседу, понятно, начал хозяин, когда положил на столешницу ложку и потянулся за кувшином. Хотен, резво привстав, налил из кувшина квасу сперва отцу Климу, потом себе.

– Итак, ты пришел ко мне, потому что принял тайное поручение нашего князя? Я ведь не ошибся?

– Вот именно, господине отче митрополите, князь меня назначил боярином-радником и пообещал рыцарское звание от зятя своего короля Гейзы. Велел перво-наперво тебя о нашем деле подробно выпросить.

– А сам ты веришь ли, что искомое существует? – прищурился отец Клим и отхлебнул квасу.

– Князь Изяслав не из тех людей, что байки рассказывают, – осторожно заметил Хотен и в свою очередь пригубил из кружки. Квас оказался хорош, с приятным нёбу грушевым привкусом.

– Я тоже так полагаю, – кивнул головою отец Клим. – Однако дело опасное. Ведь искомое может оказаться в земле княжества, где сидит враг князя Изяслава и приятель Долгорукого. Это одно. Второе: в самой книге князя Владимира Мономаха, в том, что он написал, ничего не сказано о месте, где искать.

– Откуда же это тебе известно, господине отче?

– Я читал сию книгу, более того, некогда своею рукой переписал ее со списка, отданного самим Мономахом в книжное хранилище на хорах Киевской Софии.

Хотен помедлил, соображая. Потом предположил:

– Однако же, господине отче, и такое возможно, что указание было вписано именно в ту книгу, которую Мономах дал своему внуку.

– Ты забываешь, чадо, что князь Изяслав прочитал книгу со всем вниманием, именно желая найти указание. Не забывай, что он был молод и любопытен. Кроме того, князь потом пересказал мне все, что прочел тогда в книге, а я сверял по своему списку... Ты усмехнулся, однако он пересказывал с завидной точностью – что и не дивно, ибо человек, редко читаю-

щий, прочтенное запоминает с большим тщанием, нежели привычный читатель книг, как мы с тобою, чадо.

– Мне тоже редко приходится читать, – пробурчал Хотен.

– Однако доведется тебе снова потрудиться, – усмехнулся митрополит. – Я дам тебе с собою свой список книги Владимира Мономаха, а когда прочтешь, незамедлительно вернешь его мне. После сего здесь, у меня, по моему списку Несторовой летописи и ее продолжению ты прочтешь все, что там написано о войнах Мономаха с половцами. Ты понял, для чего?

– Я сам об этом думал, господине отче, – кивнул Хотен. – Я тоже, когда веду розыск, стараюсь нащупать не один путь, что может привести к цели, а несколько. Великий князь Владимир не назвал внуку половецких князей, у которых взял... искомое. Надо найти, когда и где могло сие произойти. А книга великого князя, насколько я понял, даст мне почувствовать, что он был за человек – для сыщика сведения неоценимые.

– Разумно, – кивнул митрополит и показал бородой на кувшин. – Наливай себе еще, не чинись. А не хочешь ли легкого греческого вина? Я, пожалуй, выпил бы немного: все равно ведь прилягу вздремнуть.

– Спасибо тебе, господине отче, – занятый своими мыслями, Хотен бездумно следил за тем, как митрополит обходится с сулеей и неизвестно откуда взявшимися дешевыми стеклянными кубками. – Да только мне нужна свежая голова: князь дал мне на все про все во Владимире только три дня.

– Давай, чадо, пока мы за столом, – митрополит пригубил вина из кубка и почмокал, подняв свои еще не поседевшие брови, – обсудим еще два дела. Знаю я, как действует на человека добрая книга – враз все из головы выметает, будто сор из девичьего монастыря в Чистый Четверток! Первое дело: чем тебе, православному, будет полезно от латинского короля рыцарство принять? Проси лучше для себя боярское поместье в Киеве!

– А где князь мне его возьмет? – удивился Хотен и не вытерпел, прихвастнул: – Да и есть у меня уже поместье под Киевом...

– Небось, взял в приданое? А ты проси у князя Изяслава, именно пока мы здесь и ему легче тебе дать, поместье одного из бояр Юрьевых, суздальца, коему придется из Киева ноги уносить! Вот будешь в Киеве – и разведай, кто из них не Изяславовых бояр хоромы занимает, а новый двор себе построил – тот и проси!

– Спасибо за добрый совет, господине отче, – поклонившись, поблагодарил Хотен и, оттого, быть может, что вино неожиданно стукнуло ему в голову, не удержался, спросил: – Значит, ты веришь, что князь Изяслав еще поцарствует в Киеве?

– Верю, чадо! – воскликнул отец Клим, нежданно оживившись. – И как мне не верить? Юрий, пусть он и трижды Долгорукий, все-таки недостаточно долгорук, чтобы, волость имея на Суздальщине, удерживать столь далекий от нее Киев. А выбить его сможет только наш князь Изяслав и никому другому сего подвига совершить не позволит. Так что ты еще увидишь, как наш храбрец сядет на золотой киевский трон, а я – на свой митрополичий престол в Святой Софии! Помнишь ли тот престол, чадо?

– Как не помнить, господине отче? Не чета наш кафедральный престол здешнему!

– О чем речь? – глаза у митрополита загорелись, лицо раскраснелось. – Хитро в мраморе устроен, камением разноцветным утешно для глаза украшен – и вечен!

– А не тверд ли для сиденья? – брякнул Хотен и сам испугался своего смельства.

– Для чего ж тогда киевские матушки-игуменьи? – отец Клим подмигнул. – Вышют мне подушку подложить. И второе дело стоит сейчас обсудить. Я уже говорил князю, что потребное нам указание содержится в книге не как в духовной вещи, а как в вещественной. Непонятно? Указание может быть на клочке кожи в переплете, в картинке какой на поле пергаментной страницы, в значках, на кои прежние читатели внимания своего не обращали. Поэтому и

столь необходимо книгу сию у князя Вячеслава Владимировича выменять и привезти... Чего там еще?

– Время тебе отдохнуть, отче, – это келейник всунул голову в дверь.

– Исчезни! О чем я? Книгу надо поменять на шпалеру, а потому выслушай внимательно, что надлежит говорить князю Вячеславу Владимировичу. Скажи, что шпалера весьма дорогая, что второй такой на Руси нет – и будет то сушая правда. Скажи, что выткана тут древняя римская богиня Венерка, которую язычники молили о помощи в начинаниях своей похоти и прелюбодейства. Помогала она в делах и не столь позорных – бабам в деторождении, однако, коли и в самом деле помогала, так поганила невинных деток своей нечестивой помощью. И вообще сказано в Евангелии, что лучше для человека остаться в безбрачии, но сие каждому по силе его. А раздета она, потому что хочет соблазнить своими грешными прелестями... Эй, а ты с какой это стати усы подкрутил?

– Я? Усы? – вытаращился в изумлении Хотен. – Да померещилось тебе, господине отче митрополите!

На самом-то деле припомнилась тогда Хотену князева шпалера, да только не тощая немка полулежала на ней, а соблазнительно живая княгиня Звенислава, такая, как запомнилась не столь глазам его, сколько прочему в естестве доброго молодца, а чем именно вспомнилась, затруднительно было бы объяснять отцу Климу.

– Ежели мне мерещится, то я как добрый христианин крещусь, – проворчал митрополит. – Ввязавшись в сие грешное предприятие, как бы не утратить и мне толики от чести и достоинства пастырских... Впрочем, продолжу. В латинской надписи говорится, что нечестивая Венера предлагает свое тело языческому богу богатства Плутосу, чтобы он, в ответ, помог выкупить из царства Смерти хотя ее Адонисиуса. Тьфу!

– Хотя? Любовника? – удивился Хотен.

– Именно. Язычники баснословят, что у Венеры было много хотей. Развратность же сего ее мерзкого поступка неудивительна. Для такой бляди одним хотем больше, одним меньше... Тьфу! Далее на ленте написано толкование картины. Сие-де иносказание того отвратительного греха, когда старик, уже не способный завоевать любовь честной девицы или вдовы своей учтивостью или смельством в поединке (нет, чтобы по-людски посвататься!), покупает любовь за деньги у продажных женок.

– Верно, продажных, господине отче, – думая о своем, повторил Хотен. – Ведь где купля, там и продажа живет... Только боюсь я, что при таком истолковании тяжелее будет всучить шпалеру старинушке князю Вячеславу. Дозволишь ли ты, господине отче митрополите, приврать мне несколько? Для пользы дела токмо!

– Я сего не слышал, емец! – покачал головою отец митрополит и вдруг зевнул. – Посиди пока тут, я книгу для тебя принесу. Послезавтра после заутрени возврати ее, и я дам тебе прямо здесь, за этим столом, почитать летопись.

Глава 6

Тяжкий труд чтения

За книгу, полученную от отца митрополита, Хотен положил засесть сразу же, как только вернется в отведенный ему покой в княжеском дворце. Ссылаясь на распоряжение великого князя, он запасся у ключника несусветным количеством свечей, хотел было потребовать и побольше бересты для записей, да передумал. В казне нашлась вещичка более удобная, и в рассуждении необходимости сохранения тайны лучше не придумаешь – устройство для обучения письму, детьми-школьниками называемое «вечной кожей». Была то сохранившаяся еще с детских лет князя Изяслава дощечка, с одной стороны которой в неглубоком корытце наплавлен воск, а на другой, выпуклой, вырезана азбука. Надо тебе записать – черти на воске острым концом писала, а не нужна уже заметка – переверни писало да затри тупым концом. Забыл какую букву – переверни дощечку да подсмотри в азбуке.

К чтению подготовился Хотен по всем правилам: книгу, отнюдь, вопреки его опасениям, не толстую, положил на стол, рядом разместил писало и дощечку с воском. Помолившись наскоро, расстегнул застежки и раскрыл книгу. Оказалось, что была она сотворена скупой: ни цветных заставок, ни раскрашенных буквиц, поля маленькие, чтобы на каждую страницу побольше вписать. Первая буква на первой странице была наведена пером дважды и снабжена завитушкой – вот и все украшения.

Начал читать емец – и ужаснулся. Покойный князь, видать, решил вначале изложить свой взгляд на христианскую веру, а при том не из головы писал, а держа перед собою «Псалтырь». Для того чтобы понять, Владимировы ли слова повторяешь, либо царя Давида Псалмопевца, приходилось каждую строку перечитывать дважды. Незадачливый читатель сперва озлился, потом утомился и незаметно для себя за тем же столом, где мучился с книгой, и задремал.

Снились ему все те же стихи из псалмов, и угнетала даже во сне необходимость проснуться и возвратиться к тяжкому труду чтения. Очнулся Хотен уже в темноте. Невдалеке бухали колокола, созывая народ к вечерне. Хотен натянул шубу, надел шапку и рукавицы, тщательно запер на замок горницу и отправился за советом к отцу митрополиту. Сторож у калитки, в доспехе по вечернему времени, присмотрелся к нему подозрительно, однако выпустил.

На вечерне отца митрополита не оказалось, Хотен поплелся к нему домой и, пробившись сквозь оборону келейника Ефима, и у самого хозяина встретил не самый ласковый прием. Отец митрополит не сразу уразумел, что остановило читателя, поняв же, заявил с обидною усмешкою:

– Тьфу ты, прости меня, Господи! Да ведь именно в выписках из псалмов и может быть спрятано то, что мы ищем! Его можно было написать первыми буквами каждой выписки, а то и таким способом: число, под которым псалом помещен в «Псалтыри», как тебе ведомо, передается буквами под титулом; каждую вторую такую букву выписывая в последовательности псалмов в книге князя, можем получить нужное нам указание. Понял ли ты меня, емец?

– Прости, но не понял я, господине отче митрополите, – повинился Хотен, отнюдь не постигая, в чем виноват. – Говорил же я тебе, что человек я простой, не книжный.

– Пожалуй... Тогда скажу тебе одно. Спрятать указание теми способами, кои я тебе только что раскрыл, может любой грамотей, имеющий перед собою «Псалтырь», если только додумается до сей хитрости. А вот прочитать его, даже догадавшись о способе записи, сумеет только большой знаток псалмов, ну, вроде меня, например. Ты, емец, уж точно не смог бы. Так что и не бери сего в голову, читай книгу, чтобы постигнуть душу и мысли того, кто ее написал – и разве не о том мы с тобою договаривались?

– Разве? – окрысился Хотен. Однако, опомнившись, тут же поклонился. – Конечно, тебе лучше знать, господине отче митрополите...

– Разумеется, мне лучше знать. Иди, читай, и чтобы не смел больше меня беспокоить без спросу. Князь Изяслав дал тебе только три дня, говоришь? Читай спокойно, я уговорю его не торопить тебя. Молиться можешь дома, от посещений служб божиих тебя избавляю. А теперь исчезни.

Не в лучшем настроении возвращался Хотен в княжеский дворец. А тут и очередная неприятность: дворцовый сторож не пустил его в калитку, заявив невежливо, что знать не знает такого боярина, да и все дружинники сейчас за столом, ужинают в гриднице.

– Да что ж ты, олух царя небесного, меня тут заморозить хочешь? – взревел Хотен – и вдруг осекся. Мороз уж не кусался, как еще вчера, и снег не хрустел под ногами, а по доскам забора, там, где падал на них свет от факела сторожа, темнели черные пятна сырости.

В конце концов удалось вызвать к калитке Радко. Кивнув Хотену, старый децкий, дожевывая, приказал сторожу снять сперва шлем, а затем войлочный подшлемник, после чего наградил его увесистым подзатыльником, пояснив, не торопясь:

– Дитенком как-то вышел я во двор по нужде вечером, и не один, а с отцом моим покойным, потому что сам боялся темноты во дворе. И видим: летит по небу большой и хвостатый огненный змей. Тогда батюшка отвесил мне по затылку, как вот я тебе, и сказал: «Уж теперь-то, Радко, ты сего змея запомнишь!» А тебе запомнить придется его вот, нового боярина господина твоего, великого князя Изяслава Мстиславовича.

– Нечего руки распускать, не большие вы оба бояре, – проворчал сторож, наклонившись за выпавшим из рук шлемом. – Бояре верхом ездят, а не на своих ногах по городу бегают.

Хотен отмахнулся от него, отвел Радко в угол двора, к самой, судя по густым лошадиным запахам, конюшне, зашептал:

– Прости, боярин, что оторвал тебя от стола, однако предстоит нам новое совместное дело, к тому же весьма тайное. Не стану я теперь тебя морозить, тайну открывая, только попрошу: распорядись там, чтобы мне еду и питье с поварни через Хмыря передавали, пока не поедем мы с тобою в посольство. Светиться в гриднице мне теперь не с руки.

– О чем речь! А денежное ли дело? – громким шепотом осведомился старый децкий. И, не дождавшись ответа: – Утро вечера мудренее, посол. А вот твоего Хмыря я вздрючу сегодня же вечером!

Так началось всенощное бдение Хотена, отнюдь не жалевшего князевых свечей. Самолюбие в нем взыграло, и отважился он самолично проверить, не решил ли и в самом деле старый князь Владимир поведать свою тайну первыми буквами выписанных в его книге стихов из псалмов. Может быть, и не все стихи из «Псалтыри» сумел грамотей распознать, однако, из упрямства не приняв этого во внимание, усердно выписывал первые буквы на воске. Закончив, перекрестился и прочитал: «ВВНВПВИИЯВПВПВИИЯПВ». Пробовал поделить на слова и так, и эдак, переписывал и стирал все «В», пробовал читать с конца наперед – только ничего не выходило, кроме сущей бессмыслицы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.